

Александр
ДИОМА

Александр Дюма
Огненный остров

Дюма А.

Огненный остров / А. Дюма —

Содержание

Часть первая	5
I. Ураган	5
II. Доктор Базилиус	11
III. Сделка	20
IV. Наследство	28
V. Три трупа одного умершего	33
VI. Дату Нунгал	40
VII. Странная приписка	46
VIII. Консилиум	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Дюма Огненный остров

На островах, что раскинулись среди моря восхитительным ожерельем и напоили воздух невыносимо сильным ароматом, ведут жестокий бой любовь и смерть. Там Ява вздымает к небу свои пылающие вершины – губительная, плодородная, божественная Ява.
Мишле

Часть первая

I. Ураган

Ноябрьским вечером 1847 года на Батавию обрушился один из тех страшных ураганов, столь обычных в индийских морях, когда меняется направление муссонов, и часто опустошающих Яву.

Весь день дул сильный ветер, к шести часам вечера сменившийся яростными порывами. Море разыгралось и с ревом набрасывалось на мол, образуя гавань.

Стихии объединились, стремясь уничтожить человека и все, что им создано.

Казалось, море вот-вот затопит город.

Особенно страшно было на рейде. Во время подобных бедствий более всего ужасает море.

Чудовищные волны поднимались выше домов, с ревом и неистовой силой разбиваясь о берег. Пелена воды накрывала мол, словно банку рифов; суда поднимались на высоту крыш, сталкивались между собой и с невыносимым грохотом разлетались в щепки.

Ливень не прекращался.

Пробило девять часов.

В это время все население Батавии собирается в верхнем городе.

Батавия состоит из двух городов, расположенных один над другим: в одном из них живут, в другом – ведут торговлю; мимоходом заметим для памяти, что есть еще и третий город, китайский Кампонг.

Нижний город расположен рядом с гаванью, среди болот и мангровых зарослей. Корни деревьев часто спускаются к самому морю, а там, где лес отступает, он едва оставляет между собой и океаном узкую полоску, похожую на наши бечевники. Воздух в нижнем городе нездоровый; вечером от земли, целиком состоящей из разложившихся остатков растений и животных, поднимаются тлетворные испарения, и никто не решается провести ночь среди этих гнилостных миазмов.

Между шестью и семью часами, когда мгновенно, как это бывает в тропиках, спускается ночь, жители города торопливо покидают свои фабрики, лавки и конторы, куда приходили днем заниматься делами.

Административные здания, театр, общественные сооружения и дома европейцев построены на горе, что возвышается над рейдом, и таким образом защищены от ядовитых испарений побережья.

На тыльном склоне этой горы расположен китайский и малайский кварталы.

Буря так бушевала, что никто не решался покинуть свое жилище, несмотря на опасность, которой подвергались лавки: к утру они могли оказаться полностью разрушенными, как случилось в 1806 году.

И лишь один человек спускался по крутому склону горы из верхнего города в нижний, не обращая внимания ни на дождь, ни на ветер, ни на раскаты грома. Казалось, он совершенно равнодушен к окружающей его картине разрушения.

С его одежды ручьями текла вода, ветки деревьев хлестали его по лицу, вокруг, грозя раздавить его, падали обломки кровли, а он, казалось, был озабочен лишь одним – при свете молний, гигантскими огненными змеями слетавших с небес на землю, силился разглядеть дорогу, да еще с каждым шагом за что-нибудь ухватиться, чтобы буря не сбросила его в море.

Спустившись к рейду, он оставил слева мол, повернул вправо и пошел вдоль набережной. Море поминутно окатывало его пеной.

Дойдя до конца набережной, он на минуту остановился и стал ждать очередной вспышки молнии.

Небо расколосось, и хлынувший оттуда каскад огня позволил человеку разглядеть узкую мощеную дорогу, теряющуюся среди луж соленой воды.

Свернув на эту дорогу, он шел еще минут пять и в конце концов остановился у небольшого бамбукового дома, стоящего выше складов нижнего города. Подступы к нему преграждались тюками и ящиками всевозможных размеров, сваленными под навесами из брезента – огромных полотнищ просмоленной ткани.

Человек постучался в дверь.

Ответа не было.

Он толкнул дверь, но она не поддалась.

Это его удивило: ведь в большинстве жилищ индийского архипелага дверь представляет собой чисто символическое препятствие.

Подобрав валявшийся вблизи кусок дерева – обломок какой-то крыши, сорванной со стропил ураганом, он принялся, словно молотком, колотить им в упрямую дверь, и эти удары перекрывали даже рев урагана.

Сквозь щели в бамбуковых стенах верхнего этажа пробился слабый свет, и какая-то женщина спросила по-голландски:

– Wie gaat daar? («Кто там?»)

– Откройте, – ответил незнакомец. – Скорее откройте!

– Кто вы и что вам нужно?

– Сначала откройте; вы должны видеть и слышать, какая ужасная погода: не время вести переговоры через дверь!

– А я не могу открыть, пока не узнаю, что вам нужно и зачем вы пришли; в такую бурю, в такую страшную ночь выходят на улицу лишь те, кто замыслил недоброе.

– И все же мои намерения самые простые и святые, – возразил неизвестный. – Моя жена больна, и от нее отказались все врачи Батавии, все судовые лекари с кораблей, стоящих на якоре; я пришел просить доктора Базилиуса, прославившегося своим искусством, осмотреть ее.

– Если вы пришли только за этим, подождите минутку.

И женщина загремела деревянными задвижками и железными прутьями: дом запирался надежно; затем дверь приотворилась и женщина высунула руку, держа раскрашенный фонарь из резного рога таким образом, чтобы свет падал на лицо пришедшего.

При свете этого фонаря она смогла разглядеть молодого человека лет двадцати пяти, с правильными чертами кроткого и привлекательного лица. Несмотря на явно нидерландское происхождение гостя, это лицо обрамляли, подчеркивая матовую бледность кожи, длинные черные волосы. Выразительные темно-синие – оттенка сапфира – глаза покраснели от слез и бессонных ночей. Его европейский костюм был чистым, но сильно поношенным; хотя стояла непогода, незнакомец был без плаща.

Однако скромность одежды молодого человека лишь подчеркивала его стройность и изящество.

Увидев перед собой такого красавца, в котором она к тому же узнала соотечественника, наша голландка, естественно, успокоилась. Это была хорошенькая юная фриз-ка, не старше восемнадцати лет, сохранившая на Зондских островах свой национальный костюм со шлемом из позолоченного серебра и ослепительно яркой юбкой.

Опустив фонарь, чтобы была видна ступенька, девушка пригласила:

– Входите и закройте дверь: дождь продолжает преследовать вас и за порогом.

Молодой человек послушался; пока он закрывал уличную дверь, фризка открыла другую, что вела в комнату, и впустила туда незнакомца.

Маленькая восьмиугольная комната, стены которой были сплошь покрыты причудливо раскрашенными циновками, в Нидерландах называлась бы приемной, но на Яве она не имела ни специального названия, ни определенного назначения. Посредине ее на лакированном столике стояли бутылка арака и наполовину опорожненные стаканы, лежали раскрытые деловые книги, испещренные записями; на этом же столе, на всей прочей мебели, во всех углах комнаты громоздились распоротые тюки с высывающимися из них креповыми шаями и кусками шелка, теснились открытые ящики, в глубине которых находились темные груды опиума, пахнущего терпко и удушливо; повсюду виднелись очаровательные фигурки из слоновой кости, вырезанные с нечеловеческим терпением и необыкновенным вкусом, стоял тонкий фарфор и возвышались коробки с чаем, еще источавшим аромат (он постепенно улетучивается во время долгих путешествий, какие совершает благоухающий лист, чтобы достичь берегов Франции и Англии).

Девушка сбросила на пол один из тюков и пододвинула гостю бамбуковый стул. Заметив, что башмаки незнакомца оставляют на ослепительно белой циновке грязные следы, а с его одежды ручьями льется вода, она недовольно поморщилась.

Молодой человек сел, продолжая оглядываться, словно надеялся обнаружить в одном из углов того, кого искал.

– Вы хотите видеть доктора? – спросила Фризка.

– Я не только хочу его видеть, – ответил тот, к кому был обращен этот вопрос, – но я хотел бы, чтобы он отправился вместе со мной к моей жене: она при смерти, понимаете ли вы? Единственное существо в мире, которое меня любит и кого люблю я! Господи! Подумать только, что каждая минута, потерянная мной, означает для нее еще один шаг к смерти. Во имя Неба, – молодой человек, рыдая, протянул к ней обе руки, – проводите меня скорее к вашему хозяину.

– Ах, бедняга, – сказала девушка, – так о чем вы просите?

– Я прошу спасти жизнь моей жены; меня уверяли, что он один в силах это сделать.

– Значит, вам неизвестно, что, с тех пор как у него были неприятности с полицией, доктор Базилиус не посещает больных и не делает исключения ни для кого на свете? Он принимает здесь своих друзей, дает им гигиенические, как он их называет, советы, если его об этом просят, но лишь этим и ограничивается его медицинское вмешательство. Более того, мой хозяин, кажется, года два уже не поднимался в верхний город.

– О, попросите его за меня! – воскликнул молодой человек. – Ради Бога, попросите его за меня, умоляю вас. Если бы вы знали, как я люблю мою бедную Эстер! Спасая ее, он спасет не одно, а два человеческих существа, два создания Господа, двух ближних своих, которые обязаны будут ему жизнью. Боже мой! Боже мой! – снова разрыдался молодой человек. – Вот уже двадцать четыре часа, как она борется со смертью, и не знаю, как выжил я сам: каждая истекшая минута кажется мне веком и в то же время каждая минута все стремительнее приближает миг, когда я должен буду навек с ней проститься. Молю вас, дайте мне пройти к доктору! Позвольте мне броситься к его ногам, заклинать его всем, что есть для него дорогого в этом мире и святого в мире другом, спасти мою жену, если только это, увы, еще возможно.

Хорошенькая фризка в сомнении покачала головой, продолжая с ласковым участием смотреть на гостя.

– Так вы не знаете доктора Базилиуса? – понизив голос, спросила она.

– Нет, я только два месяца назад прибыл в Батавию; в течение этих двух месяцев Эстер не вставала с постели, а я не покидал ее изголовья.

– Но кто же прислал вас сюда?

– Аптекарь, у которого я покупаю лекарства; он сказал, что доктор – выдающийся ученый, необыкновенный человек и единственный врач, способный победить ужасную болезнь, убивающую мою жену.

Поколебавшись, девушка спросила:

– А аптекарь ничего не рассказывал вам о жизни доктора Базилиуса? Не говорил о его привычках, его прошлом, его приключениях? Не повторял сотни слухов, которые распускают о докторе злые языки?

– Нет. Он сказал: «Идите к этому человеку. Он может стать вашим спасителем». И я пришел.

– Да, но не прибавил ли он к сказанному: «Возьмите с собой кошелек, молодой человек, и позаботьтесь о том, чтобы он был как следует наполнен, если собираетесь явиться к нему»?

– Увы! – ответил незнакомец. – Эта рекомендация была бы совершенно излишней: я всего лишь бедный приказчик, у меня нет никаких источников дохода, кроме моей работы. К несчастью, с тех пор как я в Батавии, я не мог доверить чужим людям уход за Эстер и вынужден был отказаться от места, ради которого проделал четыре с половиной тысячи лье. Таким образом, пока я не найду другого места, я совершенно лишен средств к существованию.

– Стало быть, придя сюда...

– ...я рассчитывал лишь на милосердие доктора. Юная голландка вздохнула.

Затем она прошептала, словно говоря сама с собой:

– Бедняжка!

– Что вы сказали? – переспросил незнакомец, чувствуя, как его нетерпение и беспокойство все возрастают.

– Я сказала, дорогой мой земляк: если вы так бедны, я еще сильнее сомневаюсь в том, что доктор согласится осмотреть вашу жену.

– Боже мой! Боже мой! – в отчаянии вскричал голландец. – Если моя несчастная Эстер обречена, так возьми вместе с ее жизнью и мою!

– Если бы я осмелилась... – начала молоденькая служанка, перебирая в руках уголок шелкового передника.

– Что? Говорите же! Вы видите какой-нибудь выход, знаете средство? Не заставляйте меня ждать.

– У меня есть кое-какие сбережения, о которых мой хозяин не знает; вы мой соотечественник, вы страдаете; не знаю почему, но ваше горе причиняет мне боль, и вы внушили мне участие, едва обратились ко мне с первыми словами. Господи, это ведь редко встречается – человек, любящий свою жену так, как вы.

Казалось, девушка старается сделать свое предложение менее унижительным для молодого человека.

– Так вот, возьмите эти деньги, вы вернете мне их, когда ваша жена будет здорова и вы найдете место, – сказала она.

Гость собирался поблагодарить ее, хотел в порыве признательности сжать руки девушки в своих, когда по всему дому разнесся яростный удар гонга.

Юная голландка вздрогнула и, ни слова не сказав незнакомцу, выбежала в боковую дверь.

Оставшись один, молодой человек обхватил руками голову. Силы его были на исходе, он решил, что последняя отчаянная попытка спасти жену была напрасной и, совершенно пав духом, безмолвно заплакал.

Поглощенный собственным горем, он и не заметил, как хорошенькая фризка снова оказалась рядом с ним.

Она тронула его плечо кончиком пальца.

Вздрогнув, он поднял голову и, увидев улыбающееся лицо девушки, в ожидании ее слов замер на месте с открытым ртом.

– Возвращайтесь домой, – произнесла она. – Доктор Базилиус придет к вашей жене.

Внезапно перейдя от глубочайшего горя к безумной радости, молодой человек упал на колени и стал целовать пухлые белые ручки служанки.

– Спасибо, – восклицал он, – спасибо вам, мой ангел-спаситель! Я не сомневаюсь, что именно предложенные вами деньги убедили доктора.

– Нет, – отвечала девушка. – Я сама не могу опомниться от удивления: мне ни о чем не пришлось просить доктора.

– В самом деле?

– Да; я вошла к нему, дрожа от страха и ожидая наказания, ведь он раз и навсегда запретил мне разговаривать с посетителями, и, Бог свидетель, я ни разу не ослушалась его приказа! Доктор даже не поднял глаз от «Калькуттской газеты», которую читал, и сказал только: «Объявите Эусебу ван ден Бееку, что я сейчас отправлюсь к его жене».

– Ему известно мое имя! – в изумлении воскликнул молодой человек.

– Господи, ему все известно! – со страхом произнесла голландка. – Однако, с тех пор как я у него работаю, то есть почти два года, я ни разу не видела, чтобы он вышел из дома.

– Странно, – сказал Эусеб, поднимаясь, – но, в конце концов, главное сделано. Ах, как я благодарен вам! Хотя ваши сбережения и не понадобились, я не забыл вашего щедрого пред-

ложения. Как только моя бедная Эстер поправится, если ей суждено выздороветь, я приведу ее сюда, чтобы она могла поблагодарить вас.

– Она голландка? – спросила девушка.

– Да, из Харлема, как и я сам.

– И... она красива? – проглянуло сквозь участие женское любопытство.

– Почти так же красива, как вы! – весело ответил Эусеб.

– Нет, не приводите ее, я сама приду ее проведать. А теперь идите скорее. Поторопитесь, доктор сейчас выйдет и, если он застанет вас здесь, выберит меня за болтливость.

– Погодите, я должен дать вам свой адрес.

– Незачем, доктор найдет вас, идите же.

– И все же...

– Если бы он в этом нуждался, так спросил бы. Идите, уходите скорее!

И хорошенькая фризка выставила из дома Эусеба ван ден Беека, пожимая ему руку, чтобы смягчить неприятное впечатление от своих действий.

Молодой человек робко пытался сопротивляться.

В эту минуту новый удар гонга, еще более оглушительный и долгий, чем первый, заполнил дом.

Юная голландка собрала все силы, распахнула дверь и вытолкнула за порог Эусеба ван ден Беека, который непременно хотел назвать свой адрес, но оказался на улице, так и не успев сделать этого.

Вслед за этим Эусеб услышал, как девушка запирает дверь на все деревянные и железные задвижки с поспешностью, доказывавшей, какой безоговорочной властью пользовался в своем доме доктор Базилиус.

Напрасно молодой человек звал голландку и надеялся вступить в дальнейшие переговоры – никто ему не ответил, а свет, горевший в доме, погас.

– О! – воскликнул он, отчаявшись сильнее, чем прежде. – Это была жестокая шутка: чтобы избавиться от меня, девушка сказала, будто доктор Базилиус придет к моей жене. Как он это сделает, если не знает, где я живу; к тому же мой дом расположен на окраине верхнего города, среди безымянных улочек, примыкающих к китайскому кварталу!

Он снова и снова окликал служанку, перемежая свои призывы жалобами.

– Боже мой, Боже мой! – бормотал он. – Неужели все мои усилия были напрасны? Этот злополучный врач никогда не сможет найти в темноте мою хижину – ее ведь даже нельзя назвать домом, – и к утру моя бедная Эстер умрет.

И он стал кричать с удвоенной силой.

Потом, поскольку дом доктора оставался безмолвным, Эусеб подобрал кусок дерева, с помощью которого ему раньше удалось привлечь к себе внимание обитателей дома, и опять начал стучать в дверь.

Но его усилия ни к чему не привели: все осталось неподвижным, никто к нему не вышел, дом казался покинутым и даже эхом не отзывался на отчаянные удары, которыми осыпал его несчастный Эусеб ван ден Беек.

II. Доктор Базилиус

Дверь не открывалась, дом был погружен в безмолвие, и Эусеб решил, что лучше всего ему дожидаться, пока доктор Базилиус, исполняя свое обещание, выйдет на улицу. Тогда он представится доктору и покажет ему дорогу к своему дому.

Буря не утихла.

Рев моря и свист ветра были по-прежнему сильными.

Дождь лил так яростно, что казалось, будто струи воды пришивают небо к земле.

Но горе Эусеба было таким глубоким, он был так далек от всего окружающего, что даже не подумал укрыться под брезентом и оставался беззащитным перед ураганом.

Впрочем, возмущение стихий вполне отвечало тому, что творилось в его душе.

Так он прождал около часа.

Потом, видя, что дверь остается закрытой, и не слыша никакого шума, указывающего на то, что доктор собирается исполнить обещанное, Эусеб вновь принялся стучать – уже не с отчаянием, но в ярости. Однако все было напрасно.

Тогда он пришел в уныние, смирился со своей участью и, решив, что голландка его обманула и доктор Базилиус вовсе не собирался беспокоить себя ради него, печально побрел к набережной тем же путем, каким пришел, а затем поднялся в верхний город той же дорогой, по которой спускался.

На половине пути он остановился и в последний раз оглянулся назад.

Насколько он мог видеть в темноте сквозь потоки воды, устремившиеся с небес на землю, дорога была пуста.

– О негодяй! – воскликнул Эусеб, воздев руки, словно призывая на доктора Божью кару. – От него зависит спасение ближнего, а он не хочет пальцем шевельнуть, потому что я не могу дать ему золота в обмен на человеческую жизнь.

Затем он обвел взглядом горизонт и продолжил:

– Бедная Эстер! Неужели ты обречена, неужели я не встречу милосердной души, которая вырвала бы тебя у безжалостной судьбы, и ты умрешь двадцатилетней? О! Я буду бороться до конца, я буду защищать твою жизнь до тех пор, пока сам Господь не отнимет ее у меня.

И внезапно, приняв решение, Эусеб пустился бежать со всех ног. В несколько секунд он поднялся по склону и постучал в двери дома одного из самых известных в Батавии врачей.

И здесь слуги отказались пропустить его к хозяину, но тот, услышав его крики, рыдания и мольбы, вышел сам.

Эусеб изложил свою просьбу.

– А чем больна ваша жена? – спросил врач.

– До сих пор ее лечили от чахотки, – отвечал Эусеб. Врач покачал головой и направился к столу; написав несколько строк, он протянул листок бумаги молодому человеку.

– Завтра утром вы привезете вашу жену в больницу и скажете, чтобы ее положили в палате «Д»: я буду ее лечить. Вот вам пропуск. Но не могу скрывать от вас, что здесь не было ни одного случая излечения от этой болезни, исход которой и в Европе почти всегда смертельный. Впрочем, этот шарлатан Базилиус уверяет, будто излечивает больных в последнем градусе чахотки.

– Базилиус! Снова Базилиус! – воскликнул Эусеб, выбежав из дома врача и даже не взяв протянутой записки. – О, он должен прийти и осмотреть ее, я силой приведу его к Эстер, пусть даже для этого мне придется пригрозить, что я убью его, или поджечь дом, чтобы заставить выйти на улицу!

Взволнованный предложением врача отвезти жену в больницу, Эусеб готов был вернуться и осуществить свою угрозу; но тут он вспомнил, что давно ушел из дома, Эстер все это время оставалась одна и, возможно, нуждается в помощи.

Представив себе, как Эстер зовет его и не получает ответа, он почувствовал, что сердце его готово разорваться от жалости: несчастная женщина считает себя покинутой единственным, кто у нее оставался на этом свете.

Вместо того чтобы спуститься к порту, Эусеб устремился в верхний город.

Он обогнул длинные стены садов, окружавших роскошные виллы богатых голландских торговцев, и свернул в лабиринт грязных и смрадных улочек еврейского квартала (подобно китайцам и малайцам, евреи имели в Батавии свой особый квартал).

Наконец он остановился перед своим домом.

Эта хижина первоначально была построена из бамбука, но, по мере того как она разрушалась, ее латали кусками циновки и обрывками парусов.

Нельзя представить себе более убогого жилища.

В нем был всего один этаж.

Сквозь щели в циновке, служившей одновременно окном и дверью, пробивался слабый свет: это горел ночник у изголовья больной.

Увидев этот огонек, Эусеб содрогнулся.

– Господи! – сказал он. – Этот огонек едва теплится, но, может быть, он пережил мою бедную Эстер!

Его охватила такая нестерпимая тоска, что он не мог решиться войти в дом.

Наконец, собрав все силы, он приподнял циновку, вбежал в комнату и устремился к жалкой постели, на которой лежала его жена.

Молодая женщина оставалась неподвижной и казалась спящей: глаза сомкнуты, рот полуоткрыт, дыхания почти не слышно.

Ужасная мысль пронзила мозг Эусеба подобно черной молнии, и он склонился к губам Эстер, ловя ее вздох, но послышавшийся из угла комнаты смешок заставил его вздрогнуть.

Обернувшись, он различил в полумраке фигуру человека, сидевшего на бамбуковом табурете и державшего во рту трубку, головка которой светилась при каждой затяжке.

– Ну-ну, мой юный друг, – сказал он. – Кажется, вы немного загуляли: от мангровых зарослей путь сюда неблизкий, но я жду вас уже больше часа.

– Но кто вы, сударь? – спросил изумленный Эусеб.

– Доктор Базилиус, черт возьми! – ответил курильщик.

Эусеб принялся рассматривать странного гостя, расположившегося в его доме. Это был толстый, короткий и пузатый человек, что опровергало, несмотря на ходившие о нем слухи, всякую мысль о его дьявольском происхождении (если представлять себе сатану как это принято – тощим, высоким и худосочным).

Трудно было сказать точно, сколько лет доктору: это был не то тридцатипятилетний человек, который казался старше своих лет, не то пятидесятилетний, выглядевший моложе своего возраста.

Цвет лица у него был кирпично-красный, какой появляется у людей белой расы после долгих лет, проведенных ими на морском ветру под палящим солнцем тропиков.

Толстые щеки и сильно развитые челюсти расширяли его лицо книзу и придавали ему вульгарное выражение, искупавшееся лишь необычностью взгляда.

Если в самом деле доктор Базилиус был сродни духу тьмы, то это семейное сходство следовало искать именно в глазах.

Глубоко сидящие и наполовину скрытые густыми бровями, его глаза были живыми и пронзительными, их острота вполне гармонировала с удивительно хитрой улыбкой, приподнимавшей углы тонких губ и резко контрастировавшей со всей голландской внешностью доктора.

Выпуклый лоб переходил в залысину, позволявшую увидеть два выступа на том месте, где в соответствии с античной мифологией располагались рога сатиров, а следуя средневековым поверьям, – рога дьявола. Отсутствующие волосы заменяла красная вязаная шапочка, которую доктор натягивал на уши, когда хотел защититься от холода или дождя, и поднимал на китайский манер, если был уверен, что ветер не представляет для его ушей никакой опасности.

Его одежда ничем не напоминала ту, что обычно носят его коллеги. С тех пор как в Батавии распространился европейский костюм, врачи там стали одеваться традиционно – черный сюртук, черные брюки, белый жилет и белый галстук.

Ничего похожего вы не обнаружили бы в повседневном наряде доктора.

Поверх брюк из полосатого тика он, чтобы защититься от дождя, надел штаны из желтой просмоленной ткани, какие носят матросы во время плавания; пальто из синего сукна, вполне заурядное, но толстое и теплое, и красный шейный платок из Мадраса, сколотый огромной булавкой в виде якоря, дополняли его костюм, который, возможно, был бы вполне уместным на берегах Зейдер-Зе, но на Яве выглядел более чем странно.

Как мы уже говорили, доктор сидел на бамбуковом табурете, поставив его в угол, чтобы образовалась подобие кресла. Прогоняя тоску ожидания, он, как тоже сказано выше, курил маленькую, из посеребренной меди трубку с длинным и тонким чубуком. Головка этой трубки, размером с наперсток, была заполнена смесью, содержащей опиум.

– Но как вы сюда попали, господин доктор? – поинтересовался Эусеб ван ден Беек.

– По воздуху, верхом на метле, – ответил доктор с тем же резким сухим смешком, напоминавшим треск, который издает кузнечик. – Сами понимаете, при таком ветре мне не потребовалось много времени, чтобы добраться сюда.

– Главное – то, что вы здесь, доктор, и моей признательности нет дела до вашего способа передвижения. Спасибо, добрый доктор, спасибо!

И Эусеб хотел с благодарностью пожать доктору руку.

– Осторожнее! – быстро отдернув руку, остановил его доктор. – Берегитесь моих когтей!

– Что вы хотите этим сказать? – спросил молодой человек.

– Вероятно, вы единственный человек в славном городе Батавии, которому ничего не известно о моей дружбе с сатаной, о том, что князь тьмы каждый день приходит ко мне пить кофе: утром – со сливками, вечером – на одной воде, и в трех или четырех случаях я, благодаря его советам, выглядел меньшим ослом, чем мои коллеги.

– Напротив, доктор, я слышал об этом, но как можно в наше время верить подобным нелепостям?

– Эх, мой юный друг, чем черт не шутит. Впрочем, признательность – груз до того тяжелый, что многие с радостью от него избавились бы даже благодаря подобной нелепости.

– Поверьте, доктор, я не из их числа и всю свою жизнь буду помнить об отзывчивости, поспешности и бескорыстии, с которыми вы откликнулись на мою просьбу.

– Ну-ну! – воскликнул доктор, которого охватил такой неудержимый смех, что он в конце концов закашлялся. – Этот молодой человек меня забавляет, он чрезвычайно смешон. Продолжайте, дружок, я люблю видеть, как сердце исходит потоками слов; это выдает возвышенную душу тех, кто предается подобным излияниям, а я обожаю возвышенные души. Так о чем мы говорили?

– О том, что в обмен на услугу, которую вы собираетесь мне оказать, вылечив мою Эстер, вы, доктор, можете располагать мной, как вам будет угодно; назначайте любую цену, я с благодарностью отдам вам даже собственную жизнь, потому что вы спасете более драгоценное существование – жизнь женщины, любимой мною.

– Мун God!¹ Да ведь вы мне сделку предлагаете, молодой человек. Так и есть, вы явно поняли буквально то, что хорошие люди рассказывают обо мне. Признательность завела вас слишком далеко. Признательность... Черт возьми, берегитесь ее, следует остерегаться подобных чувств.

– Доктор, доктор, – произнес несчастный Эусеб, до того оскорбленный шутками, которыми Базилиус отвечал на изъявления благодарности, что слезы брызнули из его глаз. – Доктор, вы смеетесь надо мной?

– О, я не стал бы этого делать! – воскликнул доктор. – Разве я хоть в чем-нибудь усомнился? Я верю всем обещаниям, их всегда дают от чистого сердца. Но вот выполнять их – другое дело; честные люди – это те, кто держит слово, сожалея о том, что дал его.

– Доктор, клянусь вам...

– Я думаю о вас то же самое, мой юный друг, что о других людях: так же искренне, как дали обещание, вы о нем забудете.

– Доктор, я клянусь...

– Постойте, – перебил Эусеба доктор, – вот перед вашими глазами, справа от ящика, что служит вам комодом, осколок зеркала.

– И что же?

– Приблизьте к нему свое лицо.

– Я это сделал, доктор.

– Что вы видите?

– Свое отражение.

– Так вот, обещать, что через двадцать лет вы будете помнить о своей клятве, столь же бессмысленно, сколько надеяться через двадцать лет увидеть себя в зеркале таким, как сейчас. Но это не имеет значения, продолжайте, мой юный друг. Мне в десять раз приятнее слушать, как люди говорят о своей признательности, чем видеть ее проявления. Так что продолжайте, не стесняйтесь.

¹ Бог ты мой! (гол.)

– Словом, доктор, – сказал бедняга Эусеб, упорно старавшийся убедить своего странного собеседника в том, что он не такой неблагодарный, как большинство людей, – я надеюсь, что мне выпадет счастье доказать вам ошибочность вашего дурного мнения о роде человеческом. А теперь мне кажется, что мы потеряли много времени. Хотите ли вы, чтобы я разбудил больную?

– Для чего?

– Доктор, для того, чтобы вы оказали ей необходимую в ее состоянии помощь.

– Что ж, – доктор издал свой пронзительный смешок, – в данный момент ей в ее состоянии ничего не требуется: она спит, как никогда прежде не спала. Прислушайтесь, и вы даже не услышите ее дыхания.

– Это правда, – встревожился молодой человек и шагнул к постели.

Но доктор удержал его за полу сюртука.

– Оставьте ее, – сказал он. – Именно во сне силы восстанавливаются. Кто вам говорил, что сама смерть, которой все так боятся, не есть долгий отдых перед новой жизнью? Смотрите-ка! Право же, кажется, я только что создал систему, и, может быть, она не так уж бессмысленна.

– Не хотите ли, по крайней мере, доктор, чтобы не терять больше времени попусту, выслушать мой рассказ о болезни Эстер – о проявлениях ее первого периода?

– Прежде всего поймите, мой мальчик, что мы вовсе не теряем времени напрасно. Напротив, мы философствуем, а это наилучшее использование часов своей жизни, какое может найти человек. Что касается рассказа о болезни вашей жены, о симптомах первого периода – мне все известно не хуже, чем вам. Существуют законы рождения, точно так же существуют законы смерти; из этого следует, что всякое знание дается легко, стоит только научиться читать эту великую книгу для слепых, называемую природой. Так что дадим спать вашей жене и поговорим о других вещах.

Эусеб вздохнул, но, решив, что должен подчиниться капризам доктора, спросил:

– О чем вам хотелось бы поговорить, доктор?

– О чем угодно, мой юный друг. Мне безразлично, что пить: арак или наш превосходный ехидам, констанс или пальмовое вино. Я провел долгие часы за беседой с почтенным брамином, служившим Джаггернауту, а на следующий день, после того как полностью исчерпал тему таинства тридцати шести воплощений Брахмы, с не меньшим интересом прислушивался к болтовне ласкаров на джонке, в которой мы спускались по священной реке.

– Ну, а теперь, доктор, – начал Эусеб (несмотря на то что сердце молодого человека все сильнее сжимала безотчетная тоска, он старался казаться веселым и доверчивым), – скажите мне, отчего вы так скоро и бескорыстно откликнулись на мою просьбу, вы, кто...

Эусеб, заметив, что неудачно начал фразу, не решался ее закончить.

– Кто?.. – спросил доктор.

Затем, видя, что Эусеб продолжает молчать, договорил:

– ... кто продает на вес золота те небольшие знания, которые у меня есть или которые мне приписывают? Вот что вы хотели сказать вот что, по крайней мере, вы думали.

– О, доктор!

– Вы меня этим не оскорбили. Черт возьми! Священника обогащает религия, а врача – смерть. Неужели вы считаете, что я, если бы захотел, не смог бы ясно и неопровержимо доказать вам: не только врач, но человек любой профессии наживается на несчастье ближнего? Только зло, причиненное другому, возвращается к человеку, лишь за добро не платят добром. Но эта тема заведет нас чересчур далеко, вернемся к вашему вопросу. Есть одна вещь, которую я предпочитаю золоту, может быть, оттого, что золота у меня слишком много.

Эусеб в изумлении воззрился на доктора.

– Ах да!.. Вот еще одно доказательство того, какого прекрасного мнения о человеческом роде держатся люди. Вас удивляет то, что я говорю о своем богатстве? В таких вещах не признаются по двум причинам: во-первых, богатый человек всегда боится, как бы его не обокрали;

но это причина не главная, еще больше он боится – и это вторая причина, о которой я должен был бы сказать с самого начала, – еще больше он боится, что кто-то может доискаться источников его богатства. А этими источниками, юный мой друг, чаще всего оказываются подкуп, лихоимство, мошенничество, воровство и даже убийство; сами понимаете, какого презрения удостоилась бы большая часть наших миллионеров, если бы кто-нибудь добрался до истоков их обогащения. Путешественники, достигнув верховьев Нила на четвертом градусе широты, обнаружили там лишь грязное болото со смертоносными испарениями. Большинство крупных состояний, дружок, происходят из куда более нечистых болот, чем те, в которых берет свое начало Нил. Не подходите к ним слишком близко: вы рискуете вдохнуть больше углекислого газа, чем азота или кислорода. Я – другое дело, я бесстыжий плут и говорю вслух, каким путем разбогател. Подобно доктору Фаусту, я продался сатане, и он дал мне испить из чаши знания. Я могу бороться против Бога и исцелять людей, но забочусь о том, чтобы получить плату прежде выздоровления больного: оставив это на потом, я ходил бы в протертых штанах и с дыркой на локте, как вы.

– Именно поэтому я и обратился к вам с вопросом, на который вы, доктор, так и не ответили.

– Так вот, я отвечаю на него, мой юный друг. Есть нечто, предпочитаемое мною золоту, – это мои прихоти. Выказанное мною расположение, в котором вы чуть ли не упрекаете меня, – мой каприз, только и всего. Вот потому я так недорого ценю вашу благодарность... Курите ли вы опиум, меестер ван ден Беек?

– Нет, доктор.

– Напрасно, опиум – превосходная вещь; говорят, от него худеют, – но взгляните на мой стан; говорят, от опиума тускнеют глаза, – но взгляните на мои.

С этими словами доктор похлопал себя по круглому животу, отозвавшемуся звуком, каким мог бы гордиться большой барабан, и сверкнул глазами так, что ослепил Эусеба.

– Говорят еще, что он укорачивает жизнь, – продолжал доктор, – это заблуждение, ложь, клевета! Он удваивает ее продолжительность, поскольку во сне мы проживаем вторую жизнь.

– Доктор, – с беспокойством перебил его Эусеб, – раз уж вы заговорили о сне, не находите ли вы, что моя жена спит слишком долго и это внушает беспокойство?

– Знаете ли вы, что народы Востока – турки, арабы и даже китайцы, которых мы считаем черновым наброском человека или подделкой под него, – воспринимают жизнь гораздо логичнее, чем мы, жители Запада? Что такое наше тупое или буйное опьянение от вина или пива, это материальное поглощение, от которого человек становится хуже скотины, по сравнению с вдыханием благоуханного дыма, который, непрерывно поднимаясь, обволакивает мозг, а не падает в желудок; по сравнению с волшебным оцепенением, что освобождает душу от ее земной оболочки и позволяет ей путешествовать из одного рая в другой?

– Доктор, милый доктор, умоляю вас, поговорим об Эстер.

– Ну что ж, давайте, раз вы непременно этого хотите, – ответил Базилиус, не пытаясь скрыть своего недовольства.

– Так вот, доктор, вы должны знать, что еще до того, как мы покинули Харлем, у нее начался кашель, длительные и непрерывные припадки которого меня тревожили.

– Ах, вы из Харлема? – прервал его доктор Базилиус, казалось не замечавший, как нетерпеливо Эусеб ждет конца этого вмешательства. – Право, это прелестный городок.

– Да, доктор, очаровательный; но позвольте мне...

– Но, – продолжал доктор, – если вы действительно из Харлема, я думаю, вы знаете знаменитый «Ночной дозор» Рембрандта, который теперь находится в кабинете господина ван Дамма?

– Да, доктор, но я хотел сказать вам...

– Милый мой, то, что я хочу сказать вам, гораздо интереснее того, о чем вы собираетесь сообщить мне; я рассказываю вам о человеческом творении, которое проживет века – столько, сколько просуществуют холст и положенные на него краски, в то время как человек, этот венец творения Господа, созданный из костей и плоти, живет тридцать, сорок, пятьдесят или шестьдесят лет, после чего рассыпается в прах... Фу, как говорил Гамлет.

– Доктор, – невольно вздрогнув, произнес Эусеб, – честное слово, вы пугаете меня.

– Представьте, – продолжал Базилиус, словно и не слышал слов, только что сказанных Эусебом, – это знаменитое полотно всего лишь копия, дорогой господин ван ден Беек. А если вам хочется увидеть оригинал, достаточно прийти ко мне; вы увидите не только «Ночной дозор», но всю мою коллекцию; вам следует знать, что у меня прекрасная картинная галерея здесь, в Батавии, в жалкой хижине на набережной; как я только что собирался сказать вам, благодаря моему богатству я смог окружить себя подлинными восточными наслаждениями и духовными радостями европейцев. Вы найдете у меня все: шедевры искусства и природы, картины Рембрандта, Тициана и Рубенса, лучшие вина Венгрии, Франции и Испании, наконец, прекраснейшие образцы трех населяющих землю рас: черной, белой и желтой.

– Боже мой! Боже мой! – бормотал вполголоса молодой человек, беспокойно перебегающая через комнату, чтобы взглянуть на юную женщину, по-прежнему неподвижную и безмолвную. – Господи! Неужели вот этот немилосердный болтун и есть тот самый доктор Базилиус, об искусстве которого мне рассказывали такие чудеса?

Наконец он остановился с решительным видом и потребовал:

– Сударь, прежде всего осмотрите мою жену, очень прошу вас, а потом... Ах, Боже мой, потом мы будем с вами говорить сколько пожелаете.

– Хорошо, – согласился доктор, – но прежде еще несколько слов.

– Покороче.

– Ваше имя Эусеб ван ден Беек?

– Да, сударь.

– Вы родом из Харлема?

– Я только что вам это сообщил.

– Вы сын Якобуса ван ден Беека?

– Сын Якобуса ван ден Беека.

– Супруг Эстер Мениус, дочери Вильгельма Мениуса, нотариуса, и Жанны Катрин Мортъе, его жены?

– Совершенно верно, сударь, вы как будто метрическую книгу читаете.

– ... сестры, – продолжал доктор, – некоего Базиля Мортъе, который в двадцать лет сел на корабль, покинул Харлем и больше туда не возвращался?

– Нет, сударь, никогда больше. Вы знали этого дядю моей жены, с которым сама она едва знакома?

– Я слышал о нем и даже знал его лично. Он был контрабандистом, морским разбойником, пиратом. Не знаю, в каком уголке земного шара он был повешен.

– Ах, Боже мой!

– О, не жалейте его, это был отъявленный негодяй.

– Доктор, он был дядей моей бедной Эстер. Простите меня, но я попрошу вас не говорить дурно о столь близком нашем родственнике. Мы, голландцы старого закала, воспитаны в уважении к семье.

– В самом деле, вы удивительный молодой человек. Так не станем больше говорить о вашем дяде.

– Нет, доктор, нет. Но, Бога ради, поговорим о его племяннице.

– Странно, – произнес Базилиус, говоривший будто бы сам с собой, но достаточно громко для того, чтобы Эусеб его слышал, – поразительно, с какой настойчивостью человек устремляется навстречу своему несчастью.

– Так я говорил вам... – снова начал Эусеб, не обращая внимания на эту своего рода реплику *a parte*.²

Но доктор нетерпеливо перебил его:

– Ох, Господи! Да, вы сказали мне, что перед вашим отъездом из Харлема у вашей жены начался кашель, продолжительность припадков которого вас тревожила.

Эусеб хотел продолжать, но доктор не дал ему говорить.

– О, дайте мне рассказать вам дальнейшее, – продолжил он, – и вы увидите, что незачем надоедать мне, сообщая вещи, известные мне лучше, чем вам.

– Лучше, чем мне? – воскликнул удивленный Эусеб.

– Ей-Богу, вы сами в этом убедитесь. Остановите меня, если я ошибусь, но, черт возьми, не прерывайте меня ни в каком другом случае.

– Я слушаю вас, – ответил Эусеб, удивляясь еще больше.

– Так вот, первые дни плавания крайне утомили ее. Она вынуждена была оставаться в постели: кашель не прекращался, появилась обильная мокрота...

– Да, доктор, так оно и было.

– Тогда дайте мне продолжить. На пятый день после отплытия у вашей жены началось сильное кровохарканье, иначе говоря, настоящая гемоптизия; ее остановили с помощью сиропа Фаулера, но ваша жена продолжала жаловаться на жестокую боль в груди; кашель сделался слабее, но пищеварение прекратилось. В таком состоянии ваша жена находилась четыре или пять дней, после чего, почувствовав себя лучше, решила, что она уже здорова. Неделей позже, поскольку погода была ясной, а море – спокойным, больная достаточно окрепла для того, чтобы подняться на палубу и прогуливаться, опираясь на вашу руку. Боли в груди и в животе утихли, появился аппетит, к вашей жене вместе с ним частично вернулись силы и полностью – ее молодость и веселость. Когда после пяти месяцев плавания вы высадились на берег в Батавии, ни вы, ни она больше не думали о туберкулезе легких, словно эта болезнь никогда не существовала на земле, оставшись в ладони Господа, которому мы обязаны всеми дарами, как надежда осталась на дне сосуда Пандоры.

– Да, да, совершенно верно, доктор! – воскликнул Эусеб, куда более напуганный знаниями доктора, чем богохульством, которое тот только что проронил, сопроводив его тем сатанинским смехом, какой мы уже замечали у него.

– Дождитесь финала, чтобы начать аплодировать, черт возьми! Как все великие артисты, я приберегу свой эффект. Через два дня после вашего прибытия вы возвращались от негоцианта, которому вас рекомендовали и у которого вы должны были начать служить с ближайшего понедельника; ваша жена стала жаловаться на боль в пояснице и на усталость в руках и ногах. В тот же вечер возобновился кашель, на следующий день появилась мокрота; туберкулы продолжали свое разрушительное дело, углубляя каверны под воздействием влажной жары. При выслушивании было обнаружено, что у вашей жены уже нет или почти нет правого легкого и задето левое; у нее открылась, как мы говорим, скоротечная чахотка. Дыхание делалось все более затрудненным и свистящим, кровообращение – ускоренным и неровным; пульс доходил до девяноста пяти или ста ударов в минуту, а по ночам поднимался даже до ста десяти и ста пятнадцати; утром грудь, лицо и руки покрывал холодный липкий пот; силы убывали, разум угасал, чувства притуплялись. Любовь – даже любовь, то проявление жизни, которое, казалось, должно было пережить вашу жену, – покинула ее; в течение нескольких дней эта еще недавно такая веселая и любящая юная женщина превратилась в старуху, безразличную даже к про-

² В сторону (ит.)

явлению вашей нежности, равнодушную ко всему, вплоть до самой смерти. Все происходило именно так?

– Да, доктор, в точности; но как вы могли узнать?..

– Ну-ну, – ответил доктор. – Правду сказать, мне бывает смешно, когда в ваших прелестных европейских романах легочных больных изображают розовыми и слащавыми, словно те ужасные постели, которые у французов считаются живописью. Очаровательные больные дамы, в розовом атласном пеньюаре и чепчике с оборками, вдыхающие воздух Ниццы или пьющие целебные воды, изящно кашляют и благородно падают в обморок. Скажите, скажите же, метр ван ден Беек, в последние дни похожа была ваша Эстер на этих хорошеньких чахоточных?

– Увы! Нет, доктор; но, несмотря на изменения, происшедшие в ней из-за болезни, я не стал меньше любить ее; помогите ей, вылечите, спасите ее!

– Дорогой друг, – произнес доктор со своим пугающим смехом, – я и сам бы рад был сделать это, но мы немного опоздали.

– Как немного опоздали? – воскликнул Эусеб, растерянно и в страхе глядя на врача. – Вы сказали, что уже поздно?

– Без всякого сомнения; ваша жена испустила последний вздох в половине девятого вечера, как раз в ту минуту, когда вы в первый раз постучали в дверь моего дома.

Эусеб страшно закричал и бросился к постели.

Тело Эстер уже было сковано ледяным холодом и той отверделостью, которая на языке науки называется трупным окоченением.

– О, это невозможно, это невозможно! – вопил несчастный молодой человек; упав на постель, он сжимал жену в объятиях и прильнул к ее уже застывшим губам. – Ах, Боже мой, Боже мой! Доктор, помогите же мне! Она не мертва, она не может умереть вот так, не простившись со мной! А я так спокойно слушал все, что говорил этот человек. Эстер! Эстер! О доктор, умоляю вас; я оставил ее спокойной, улыбающейся, она сказала мне, что с самого начала своей болезни не чувствовала себя так хорошо!

– Это всегда так бывает, бедный мальчик, – объяснил врач. – Жизнь должна улыбнуться тем, кому приходится с ней расстаться.

III. Сделка

Убедившись, что его жена мертва, Эусеб впал в страшное отчаяние: он кричал так, что мог разорвать самое бесчувственное сердце, падал на безжизненное тело, стараясь его согреть, рвал на себе волосы и ломал руки, поднимая их к небу.

Доктор, сидя все на том же табурете, совершенно спокойно набивал и раскуривал свою трубку; он не произнес ни слова, не сделал ни одного движения, чтобы остановить этот взрыв горя.

Понемногу боль Эусеба утихла или, вернее, погасла, словно слишком сильное пламя, поглотившее всю свою пищу.

После особенно сильного нервного припадка глаза молодого человека, до сих пор сухие и горящие, увлажнились; он заплакал, и слезы облегчили ему душу.

Он сел на край кровати, откинул несколько волосков, упавших от его беспорядочных движений на лицо умершей, заботливо уложил ее светлые косы, взял ее руку в свою и, повернувшись к доктору, произнес:

– Ах, сударь, вы не можете знать, что я потерял! Представьте себе, что мы росли вместе, жили по соседству; я делил с ней все ее игры, как позже она разделила со мной все мои невзгоды. Она была до того хорошенькая в десять лет и уже тогда звала меня своим муженьком; у нее было так много светлых локонов, что их никогда не удавалось спрятать под маленький миткалевый чепчик, и до того прекрасные голубые глаза, что незабудки, сорванные нами на берегу ручья, когда я плел из них венки, казались бледными на ее головке. О, кто мог сказать, что так скоро я увижу ее бледной, холодной, мертвой! О Господи, Господи! Моя Эстер! – воскликнул Эусеб и снова разрыдался.

– Это всеобщий закон, мой мальчик, – сказал доктор, с наслаждением втягивая опиумный дым. – Мы расцветаем, чтобы увянуть, и растем, чтобы попасть под косу; счастливы те, кого смерть скосила в расцвете красоты, молодости, пока они еще наполняли воздух вокруг себя благоуханием, а не тогда, когда осенний ветер засушил их на корню и зима засыпала снегом. Вы видите, каким я стал, но ведь и я был хорошеньким мальчиком, прелестным розовым и белокурым ребенком. Сейчас трудно это представить себе, не правда ли?

И он разразился своим резким смехом, так странно прозвучавшим у одра смерти.

Содрогнувшись, Эусеб встал, но почти сразу сел снова, почти упал, словно ноги подкашивались и не держали его.

– Боже мой, Боже мой, – в изнеможении проговорил он, – какая страшная судьба уготована мне!

– В добрый час, – пожелал доктор. – Поплачьте над собственной участью, дружок; дайте в вашей скорби свободно излиться человеческому эгоизму, признайте, что не о жене своей горюете, но жалеете себя самого, и вы будете правы.

– Эгоизм, сударь! Вы называете мои страдания эгоизмом! Но этот эгоизм убьет меня; я чувствую, что не смогу пережить ту, которую так любил!

– Тем лучше для вас, мой юный друг, тем лучше, – ответил доктор. – И если вы сдержите слово, я не стану вас жалеть, как не жаль мне молодой женщины, только что расставшейся с жизнью, успев узнать лишь прекрасные ее стороны и не изведав горя, низостей и разочарований, ожидающих в этом мире каждого; уснув, она продолжает грезить, если только в потустороннем мире грезы все-таки существуют.

Эусеб ван ден Беек молча закрыл лицо руками. Время от времени слышались его рыдания, которым вторил смехок доктора.

Неожиданно Эусеб вскочил на ноги: этот смех терзал его сердце, он не мог его больше слышать.

– Сударь, – обратился он к врачу, – мне крайне неприятно делать выговор человеку вашего возраста и вашей профессии, но, право же, все то время, пока вы были здесь, вы непрерывно выказывали неуважение к моему горю.

– В моем возрасте, дружок, – спокойно сказал Базили-ус, – люди не меняют своих привычек, а я привык уважать лишь то, что мне понятно.

– Что ж, я отвечу тем же, сударь, – глаза Эусеба были сухи, голос сделался пронзительным, – и не стану терять времени на то, чтобы отыскивать причины вашего удивительного скептицизма. Извольте выйти отсюда: у меня есть только эта комната для того, чтобы молиться, а ваше присутствие иссушает мои слезы, оно ненавистно и нестерпимо для меня.

Доктор хладнокровно достал висевшие на шее на тяжелой серебряной цепи большие часы и откинул двойную крышку.

– Благодарность, о которой вы недавно говорили и которой я удостоился за то, что бескорыстно побеспокоил себя ради особы мне незнакомой, просуществовала ровно один час сорок семь минут. Эх-хе-хе, молодой человек, это немало, я встречал и менее продолжительную признательность.

Подобрав брошенную им в угол шляпу из вошеной кожи, доктор подтянул просмоленные штаны и направился к двери.

Возражение доктора показалось Эусебу резким, но не лишенным справедливости, и он невольно сделал движение, словно хотел удержать Базилиуса.

Доктор, заметив жест Эусеба, остановился у порога и сказал:

– Только что я слышал, как вы клялись не пережить вашей жены. В тех случаях, когда речь идет не о признательности, слову честного человека можно верить, а вы считаете себя честным человеком. Действительно ли вы готовы, раз ваша жена мертва, уйти вслед за ней?

– Да, – мрачно подтвердил Эусеб.

– Тогда я докажу вам, молодой человек, что мое расположение к вам, каким бы необъяснимым оно вам ни казалось, – не пустой звук. Возьмите этот кинжал; это малайский крис, отравленный знаменитым американским ядом, о котором вы несомненно слышали; он называется кураре. Простого укола, нанесенного в любой части тела так, чтобы пролилась кровь, достаточно для мгновенной и безболезненной смерти. Бери кинжал, Эусеб ван ден Беек, бери, и на этот раз я снова избавляю тебя от необходимости благодарить.

– Спасибо, – ответил Эусеб, схватившись за лезвие кинжала.

– Ах, Боже мой! Осторожнее, дорогой друг! Вы можете нечаянно уколоться или порезаться, а это непоправимо. – Снова разразившись своим зловещим смехом, доктор прибавил: – До свидания, мой милый, до свидания!

И вышел.

– Прощайте! – ответил ему Эусеб.

Оставшись один, молодой человек опустился на колени рядом с усопшей и хотел помолиться. Но память не подсказала ему ни слова из знакомых с детства молитв.

Его губы отказывались произносить имя Господа, Пресвятой Девы и святых.

Можно было подумать, что присутствие дьявольского врача изгнало из хижины всякое религиозное чувство, что служит человеку утешением в глубоком горе.

Эусеб заметил цветы в вазе, которые вчера собрал для Эстер по ее просьбе.

Он сплел из них венок и сделал букет. Венок положил ей на голову, а букет вложил в руки Эстер.

Затем он поднял ее, передвинул на постели так, чтобы освободить себе место, и улегся рядом с женой.

Крепко обняв мертвую жену, он осыпал поцелуями ее губы и глаза.

Потом, левой рукой продолжая обнимать Эстер и прижимать ее к своей груди, правой он взял лежавший на краю постели крис и приставил его острие к груди.

В эту минуту Эусеб заметил у изножья постели Базили-уса, вошедшего неслышно и незаметно: доктор смеялся, глядя на него.

Эусеб ван ден Беек вскочил, как будто его подтолкнула пружина, и с быстротой молнии кинулся к доктору.

Тот не сдвинулся с места, на лице его не отразилось ни малейшего страха, только смех стал похожим на лай гиены.

Но как только молодой человек подошел ближе, доктор схватил его державшую отравленное оружие руку и вывернул ее так сильно, что Эусеб выронил крис из полураздавленных пальцев и закричал от боли.

Затем, не давая противнику опомниться, доктор бросился на него и с ловкостью профессионального борца приподнял, перевернул в воздухе и совершенно оглушенного швырнул на пол.

Потом он поставил колено ему на грудь, левой рукой обхватил оба запястья, сделав сопротивление невозможным, и, подобрав правой рукой лежавший рядом крис, приставил, в свою очередь, оружие к сердцу Эусеба.

– Ну-ну! – насмешливо произнес доктор. – Так, значит, мы хотели обратить кинжал против того, кто нам его дал? Это нехорошо, господин Эусеб.

– Я вам уже сказал, сударь, – сказал Эусеб, в последний раз тщетно попытавшись вырваться, – что не намерен терпеть ваше присутствие.

– Неблагодарный! – воскликнул доктор. – Ведь я люблю тебя как собственную плоть.

– Если вы меня любите, почему издеваетесь над моим горем; если вы меня любите, отчего мешаєте воспользоваться кинжалом, который дали мне?

– Помешал тебе воспользоваться кинжалом? Я никоим образом не хотел тебе помешать воспользоваться им; я только хотел взглянуть, как ты это сделаешь.

– Вы ушли, и я думал, что избавился от вас. Скажите, зачем вы вернулись?

– Возможно, затем, чтобы тебя спасти, но, может быть, и для того, чтобы присутствовать при развязке небольшой комедии, которую ты обещал для меня сыграть. Угадывай.

– Так обратите ее в трагедию и поскорее кончайте: у вас в руках кинжал, а жизнь для меня вдвойне невыносима, если ею я обязан вам. Убейте меня! Убейте! Да убейте же меня! – кричал Эусеб, бросаясь навстречу лезвию. – Это единственная услуга, какую вы можете оказать мне, и единственная, которую я соглашусь принять от вас.

– Ну, слава Богу, вот и оскорбления, такая славная ничем не прикрытая и не приукрашенная брань! Ты исправляешься, Эусеб ван ден Беек, мне это нравится больше твоих приторных комплиментов... Так, значит, мы по-прежнему хотим отправиться вслед за нашей ненаглядной Эстер и жизнь решительно кажется нам невыносимой с тех пор, как некому ее украсить?

– Да кончай же, палач! – и Эусеб сделал нечеловеческое усилие, стараясь освободиться.

– Немного терпения, мой юный друг, немного терпения! Вот в чем заключается тайна жизни, вот где источник силы.

Зажав кинжал между зубов, доктор с таким спокойствием раздвинул одежду Эусеба и обнажил ему грудь, словно речь шла о заурядном хирургическом вмешательстве.

Снова угрожая молодому человеку кинжалом, доктор продолжал:

– Но вполне ли ты уверен, что встретишь там свою возлюбленную?

– Что вы хотите этим сказать?

– Ты готов покончить с собой или позволить себя убить, для того чтобы соединиться с Эстер, не правда ли?

– Конечно.

– Ну, а если, вместо чтобы соединять души, смерть просто-напросто разлучает тела? А если она не придет на свидание, вернее, вы оба туда не пойдете? Наиболее здравомыслящие люди упрямо верят в небытие.

– Боже мой! Боже мой! – в отчаянии прохрипел Эусеб, – неужели этот демон не устанет меня истязать?

– Истязать тебя? Ни в коем случае. Вот уже три часа ты заблуждаешься, а я пытаюсь вернуть тебя на истинный путь. Собственно говоря, – проговорил доктор, как будто размышляя вслух, – мне незачем держать тебя под моим коленом, чтобы, когда мне захочется, отнять твою жизнь; тебе, должно быть, крайне неудобно в таком положении, я тоже расположился не лучшим образом, так что давай встанем и поговорим.

И доктор, перейдя от слов к делу, отпустил запястья Эусеба, зажатые словно в тисках, поднялся сам и, протянув руку, помог встать и ему.

Покончив с этим, Базилиус попросил:

– Дай мне на что-нибудь сесть, дорогой Эусеб.

Сам не зная почему, Эусеб подчинился воле доктора и послушно вытащил на середину комнаты бамбуковый табурет.

Но сам он остался стоять.

Доктор, поблагодарив его, как можно прочнее уселся на своем табурете и сказал:

– Теперь, дорогой мой Эусеб, когда вы немного успокоились, не кажется ли вам, что вы слишком торопитесь со всем покончить?

– Чего мне еще ждать? – спросил молодой человек. – Разве моя Эстер не умерла?

И он указал на окоченелый труп своей жены.

– Да, согласен, она действительно мертва. Но вполне ли ты уверен, бедный дурачок, что, с тех пор как ты лишился любимой женщины, в жизни для тебя не осталось ни радостей, ни утешения?

– Если к этому вы ведете, если вы разыграли комедию с целью удержать мою руку, то ваше участие и забота совершенно напрасны. Я уже сказал вам, сударь, и повторяю снова: я никогда не любил никого, кроме Эстер, никогда никого не полюблю и не сегодня, так завтра избавлюсь от тягостного для меня существования.

– Что ж, в добрый час! Вот это благородство! Я вижу, что вы любите так, как только может любить сердце смертного. Мое любопытство удовлетворено, и знайте раз и навсегда, Эусеб ван ден Беек, что у меня вы не найдете ни участия, ни заботливости – одно лишь любопытство. Я исследую души, как мои коллеги – тела. Хе-хе! Иногда это такое же нечистоплотное занятие, но всегда более забавное.

– Ну, покончим с этим, – сказал Эусеб, топнув ногой, – такой разговор мне слишком неприятен. Чего вы хотите от меня, раз вы удовлетворили свое любопытство? Дайте свершиться моей участи. Для этого вам достаточно вернуть мне кинжал, и через несколько секунд вы увидите, что делает любовь с истинно влюбленным сердцем.

– Решительно вы слишком торопитесь, мой юный друг; к счастью, у меня есть время, и я далеко не разделяю вашего нетерпения. Впрочем, поскольку вы обратили кинжал против меня, поскольку вы еще живы лишь благодаря моему желанию, теперь мне принадлежит право решать, сколько дней, часов или минут вы еще проведете на земле; я думаю, вы слишком честный человек для того, чтобы возразить мне.

– В конце концов, что хотите этим сказать? Что вам нужно? Объяснитесь, говорите же!

– Скажи мне, Эусеб ван ден Беек, – продолжал доктор, – ведь ты человек рассудительный, как же ты мог предположить, что доктор Базилиус, еще вчера отказавшийся отправиться в Бейтензорг лечить губернатора Явы (который завтра умрет, хотя его могла бы спасти одна щепотка порошка из вот этого мешочка), проделает полторы мили пешком, ночью, в такую погоду, какой черт наградил нас сегодня, лишь для того, чтобы присутствовать при погребении и слушать твои жалобы? Ты ведь догадываешься, что, выходя из дома, я уже знал о смерти твоей жены, не правда ли?

– О! – вскричал Эусеб, схватившись за голову и запустив пальцы в волосы. – Вы меня с ума сведете, сударь!

Казалось, доктор, этот анатом души, довел наконец молодого человека до того состояния, которого добивался, потому что, протянув ему кинжал, он произнес:

– Эусеб ван ден Беек, если ты в самом деле решился, я больше тебя не удерживаю. Иди, посмотри, что там – в неведомых краях, откуда ни один странник еще не возвращался, как сказал поэт Шекспир, – христианские ад и рай, населенные гуриями сады отца правоверных, воплощения Брахмы, Енисейские поля греков или темное и печальное небытие атеистов. Но в какой бы стране ты ни оказался после смерти, как бы хорошо ни искал, ты не найдешь там Эстер.

– Господи, Господи! – рвал на себе волосы Эусеб.

– Наконец, предположи одну вещь...

– Какую?

– Предположи, что Эстер не умерла.

– Эстер не умерла? – воскликнул Эусеб, бросившись к постели; приложив руки к груди жены, он растерянно смотрел на доктора.

– Я не говорю тебе, что Эстер жива, я сказал: предположи, что она не умерла, или же представь себе, что после твоей смерти я смогу ее оживить.

– О, это было бы ужасно!

– Хорошо! Вот я и нашел слабое место твоей преданности, предел твоей любви. Ты не соглашался жить без Эстер, но еще неохотнее ты согласился бы оставить ее жить без тебя.

На мгновение Эусебу показалось, что ему предлагают дать современникам пример той же самоотверженности, какую в древности проявила Алкестида, согласившись сойти в царство мертвых вместо супруга: Базилиус может в обмен на его жизнь воскресить Эстер.

Эта мысль возвратила ему спокойствие, он выпустил из рук тело жены и подошел к доктору, который продолжал неподвижно сидеть на своем табурете.

– Вы ошибаетесь, сударь, – сказал Эусеб. – Убедите меня, что Эстер не мертва; обещайте мне, что она устоит против своей страшной болезни, против горя, вызванного моей смертью; уверьте меня, что она еще сможет быть счастлива на земле, пусть даже в объятиях другого, – и в тот же миг я расстанусь с жизнью. Сердце мое будет полно сожалений, но высшим утешением для меня будет знать, что память обо мне останется нетленной в сердце моей подруги.

В тоне, которым он это произнес, было столько восторга, искренности и вдохновения, что слова Эусеба подействовали даже на доктора: он не стал отвечать обычным своим смешком и с его лица на мгновение исчезло постоянное язвительное выражение.

– Хорошо, пусть будет так, – сказал он. – Эстер не умерла, Эстер не умрет.

Эусеб остановил его жестом, в котором угрозы, возможно, было не меньше, чем радости, потому что бедный его рассудок, метавшийся между скорбью и надеждой, оказался на грани безумия.

– Но, может быть, – продолжал доктор, – и для нее и для тебя было бы лучше, чтобы я не успел вовремя дать ей снадобье, которое после происходящего в ней сейчас кризиса в зависимости от моего желания либо окончательно сведет ее в могилу, либо вернет ей жизнь и здоровье.

– Значит, – задыхаясь, воскликнул Эусеб, – значит, от вас все еще зависит, будет Эстер жить или умрет?

– Да; теперь ты видишь, что я хорошо сделал, вернувшись и помешав тебе умереть.

– Но тогда ни она, ни я не умрем.

– Возможно.

– О, я еще смогу увидеть тебя счастливой! – вскричал Эусеб и снова бросился к ложу Эстер.

– Да, но предупреждаю тебя: вы оба подвергнетесь куда более грозному испытанию, чем то, через которое только что прошли. Посмотрим, милый Эусеб, устоит ли твоя любовь к жене, любовь, заставившая тебя бросить вызов смерти, перед временем и пресыщением.

– О доктор, неужели вы думаете?...

– Я думаю, что одной любви недостаточно для человеческой жизни, что слова «Я люблю тебя» не могут долго путешествовать из тех же уст в то же ухо; наконец, я считаю, как недавно говорил тебе, что эта молодая женщина, умри она в рассвете лет и во всем блеске красоты, исполненная веры в Бога, имела бы более счастливый удел, чем продолжать жить, обманутая тобой.

– Обманутая мной! Чтобы я изменил Эстер! – с этим восклицанием Эусеб воздел руки к небу, словно призывая Господа в свидетели. – О, если бы вы могли читать в моем сердце, которое Эстер занимает целиком, вы увидели бы, что там нет места ни для одной мысли, не относящейся к ней!

– Оглянись вокруг, юноша, и ты увидишь, что все в природе меняется, терпит превращение; стало быть, и человеческое сердце не может оставаться неизменным.

– Ах, если бы я мог на минуту поверить, что вы правы, доктор, если бы настал день, когда я разлюблю Эстер, забуду ее до такой степени, что смогу изменить ей – пусть даже с прекраснейшим в мире созданием! Я возьму этот кинжал, на этот раз не для того, чтобы она могла меня пережить, но покараю себя, вонзив его в свое сердце. Но нет, этого не может быть, поймите, это невозможно!

– Меня очень радует твоя убежденность, Эусеб; только от меня зависит, будет ли Эстер снова жить, но, собираясь вернуть ей жизнь лишь на определенных условиях, я опасался, как бы ты не отказался, узнав о них.

– Скажите мне их, доктор, какими бы они ни оказались, я заранее подчиняюсь им... даже если мне придется душу ради этого заложить! – мрачно закончил он.

– Ну на кой черт мне твоя душа? Если у меня есть собственная, значит, она бессмертна, и в таком случае в твоей я не нуждаюсь; если я ее лишен, так и у тебя ее нет, потому что я такой же человек, как ты, только немного более старый и безобразный, только и всего; допустив второе предположение, ты видишь, что не можешь продать мне то, чем не обладаешь.

– Так чего же вы хотите от меня? Скажите, я готов подписать любой договор.

– Договор? Безумец! Я только что усомнился в существовании Бога, а ты считаешь меня настолько непоследовательным, чтобы верить в дьявола... Нет ни сделки с чертом, ни волшебства, есть человек, немножко больше тебя знающий о тайнах души, о движущих силах и устройстве человеческого тела, и он говорит тебе: «Эта женщина может жить, но, если ты действительно любишь ее так, как уверяешь, остерегайся желать ее воскрешения!»

– Воскрешения, которое вернет мне мою Эстер, позволит снова услышать ее голос! Да вы богохульствуете!

– Я богохульствую! Пусть будет так... Но поговорим по-деловому: я собираюсь, как только что сказал, предложить тебе не договор, а простую торговую сделку. Если когда-нибудь ты пожалеешь о том, что я сделаю сегодня для Эстер, если ты станешь проклинать гнусного Базилиуса, вернувшего к жизни эту женщину – твое тело будет принадлежать мне, только и всего. Заметь, я говорю о твоём теле, нимало не интересуясь душой, если она у тебя есть; ставка – тело против вечности чувства, в котором ты убежден, – ни больше ни меньше.

– Жалеть о чуде, проклинать того, кто отнимет у смерти мою Эстер! Ах, доктор, вы в это не верите!

– Я настолько верю в это, что составил небольшой контракт, чтобы обеспечить выполнение нашего соглашения.

– Дайте, доктор, я подпишу.

– Нет, так, не читая, не подписывают: потом ты меня станешь обвинять в том, что я расставил тебе ловушку.

Он вытащил из кармана бумажник и достал исписанный лист бумаги.

– Вот видишь, эти буквы написаны обыкновенными чернилами; вот печать уважаемой нидерландской компании, не имеющей – по крайней мере, явно – ничего общего с Люцифером; ты можешь убедиться, что это не пахнет серой, – сказал доктор, протянув бумагу молодому человеку.

Это был один из тех гербовых листов, какие используют торговцы и юристы. Документ, составленный в форме завещания, гласил:

«Чувствуя отвращение к жизни, будучи женатым на женщине, которую разлюбил, я проклял день, когда доктор Базилиус воскресил ту, с кем роковая судьба навсегда меня связала, добровольно предаю себя смерти и хочу, чтобы никого не беспокоили по поводу моего самоубийства.

Свое имущество я оставляю законным наследникам, но хочу, чтобы тело мое было отдано доктору Базилиусу, который будет располагать им по своему усмотрению, либо тому, кому он поручит вступить им в обладание в случае собственной смерти.

Пятница, 13 ноября 1847 года».

Эусеб без остановок прочел вслух содержание странного документа.

– Перо и чернила, доктор, дайте мне перо и чернила! – потребовал он, озираясь по сторонам и стараясь отыскать эти предметы.

Доктор опустил свою ладонь на его протянутую руку.

– Я уже сказал тебе юноша, – произнес он, качая головой. – Я уже сказал, что ты слишком торопишься.

– Я прошу вас дать перо и чернила, – повторил Эусеб.

– Подумай, – продолжал доктор, – я не заставляю тебя это делать: здесь нет ни наущения, ни обмана, ни принуждения. Точно ли в здравом уме и твердой памяти, вполне ли добровольно ты подписываешь эту бумагу?

– Без наущения, обмана и принуждения, в здравом уме и твердой памяти, по собственной воле.

– Предупреждаю тебя о том, что, какие бы слухи обо мне ни распространяли, в любом случае, стоит тебе подписать этот документ – и, вблизи или издалека, живой или мертвый, я стану читать в твоём сердце, словно в книге, самые тайные твои мысли. По тому, что уже произошло, и особенно по тому, что произойдет сейчас, ты сможешь судить о моем могуществе, которое, несмотря на все успехи науки в 1847 году от Рождества Христова, все же слишком велико, чтобы принадлежать к этому миру. Как только договор вступит в силу, я смогу распоряжаться твоей жизнью, убить тебя, если пожелаю: твоя смерть для тебя самого и для тех, кто имеет право спросить у меня в ней отчета, будет выглядеть самоубийством. Так что подумай еще, прежде чем подвергнуться испытанию, и если оно пугает тебя, время пока есть: скажи последнее «прости» этой женщине, которая не может тебя услышать и не узнает, что ты струсил, и она безболезненно перейдет из сна в смерть.

Эусеб некоторое время пребывал скорее в изумлении, чем в нерешительности.

– О нет! – воскликнул он наконец. – Разделить ваши ужасные сомнения значило бы нанести оскорбление Богу и людям, сердцу и душе. Мы будем жить, Эстер, – продолжал он, обернувшись к молодой женщине и в этом зрелище черпая новые силы. – Мы будем жить для любви, жить один ради другого, жить один во имя другого, и, какие бы несчастья и тревоги ни ожидали нас на земле, рядом с тобой, моя Эстер, сильный своей любовью, я буду мужественно сражаться и найду для тебя утешения и радости даже среди наших страданий... Перо и чернила!

– Вы не узнаете ни нищеты, ни страданий, напротив, вы будете богаты и счастливы. А теперь готов ли ты подписать эту бумагу, Эусеб?

– Я могу упрекнуть вас лишь в одном – вы слишком долго не даете мне то, что я прошу. У меня здесь нет ни пера, ни чернил, но такой могущественный человек, как вы, не остановится перед такой малостью.

– В самом деле, у меня всегда при себе перо, чтобы выписывать рецепты, – ответил доктор. – Что касается чернил, раз их здесь нет, поступим в соответствии с традицией: заменим их каплей крови.

– Капля крови, согласен! – сказал Эусеб, поднимая рукав на левой руке.

Доктор вытащил из-за подкладки своего пальто стальное перо с тонким, как острие ланцета, кончиком и уколол Эусеба в срединную вену.

Эусеб тихо вскрикнул – показалась капля крови, похожая на жидкий рубин.

Доктор подхватил эту каплю кончиком пера и протянул перо Эусебу, повторив:

– Без принуждения? Добровольно?

– Совершенно добровольно, – ответил Эусеб. – Ничто не принуждает и никто не заставляет меня это делать.

И, взяв перо из рук Базилиуса, он без колебаний и без страха собственной кровью подписал договор.

Впрочем, после этого ни молния не сверкнула, ни гром не прогремел и в природе все было так спокойно, словно был подписан обыкновенный вексель.

– Если ты раскаиваешься, – сказал доктор, – ты еще можешь разорвать эту бумагу.

Вместо ответа Эусеб протянул доктору документ.

– Он ваш, – произнес он. – Но Эстер – моя.

– Это более чем справедливо, – ответил Базилиус, сложив листок и пряча его в бумажник. – Я ухожу; пока я иду к двери, ты еще можешь вернуть меня, но стоит мне переступить порог – и будет поздно.

– Так идите, доктор, идите, и пусть Небо указывает вам путь!

– Убирайся к черту со своими пожеланиями! – проворчал доктор.

Подойдя к двери, он остановился у порога, словно хотел дать Эусебу время окликнуть его, если молодой человек раскаивается в заключенной сделке, затем приподнял циновку, протянул руку, чтобы узнать, прекратился ли дождь, помахал Эусебу в знак прощания и наконец решился перешагнуть порог.

Циновка опустилась за его спиной.

В ту же минуту молодой голландец почувствовал, как облако застилает ему глаза, ноги у него подогнулись, и им овладела необъяснимая сонливость.

Он слышал шум, подобный тому, с каким море бьется о рифы, затем среди этого шума, который был не чем иным, как биением крови в висках, раздался резкий отрывистый смех Базилиуса.

Эусеб подошел к постели Эстер, чтобы взглянуть, заметит ли он в соответствии с обещанием доктора какие-либо признаки жизни, но глаза у него против воли закрылись, ноги отказались держать его, он упал на пол и заснул, уронив голову на кровать, где молодая женщина, по-прежнему недвижимая и безмолвная, вытянулась – совершенно мертвая на вид.

IV. Наследство

Когда Эусеб ван ден Беек открыл глаза, было уже совсем светло.

Солнце ослепительно сияло; его лучи, пройдя сквозь щели в бамбуковых стенах, чертили на полу хижины яркие арабески.

Придя в себя, Эусеб не мог понять, продолжает он спать или грезит наяву. Он утратил представление не только о том, что происходило перед тем, как он уснул, но и о нынешнем своем состоянии.

В эту минуту он услышал, как его зовет нежный, хорошо знакомый ему голос – голос Эстер.

– Боже мой! Боже мой! – произнес несчастный молодой человек, измученный мозг которого отказывался мыслить связно и хранил воспоминание лишь о том, что видел распростертое на постели безжизненное и остывшее тело жены. – О Господи! Я все еще не верю, что это правда.

– Эусеб, друг мой! – продолжал звать нежный голос. – Где же ты?

Одним прыжком Эусеб ван ден Беек оказался на ногах.

И тогда он увидел живую Эстер, в самом деле живую. Сидя на постели, она улыбалась ему и поправляла свои растрепавшиеся волосы, глядясь в осколок зеркала, послуживший вчера доктору для одного из его неприятных сравнений.

Кокетство проснулось в юной женщине вместе с жизнью.

Вскрикнув, Эусеб сжал жену в объятиях и стал неистово целовать ее.

– Да, да, да, это в самом деле ты! – восклицал он. – О, дай мне смотреть на тебя, дай почувствовать нежное тепло крови, текущей в твоих жилах. О да, оно бьется, сердце, которое я считал остановившимся навек! Они раскрылись, глаза, погасшие, как я думал, навсегда. О, поговори со мной, моя Эстер, говори, пусть я снова услышу голос, который не должен был больше звучать в моих ушах!

– Да что с тобой, Эусеб? – с нежной улыбкой спросила его молодая женщина. – У тебя такой встревоженный вид. Как ты бледен! Одежда у тебя в беспорядке, ты пугаешь меня. Господи, что произошло?

– Ничего, моя Эстер; во сне меня мучил ужасный кошмар. Представь себе, милая, я думал, что ты умерла, и этот сон был до того похож на действительность для моего разума и сердца, что, когда ты в первый раз окликнула меня, я не мог решиться посмотреть на кровать, где видел тебя безмолвной и похолодевшей.

– Что за вздор! – ответила Эстер, целуя мужа. – Что за вздор! А я, напротив, никогда еще не видела таких чудесных снов, как в эту ночь. Мне казалось, что у меня появились крылья, что я сквозь небесную лазурь и облака поднялась к престолу Господа, сияющего в окружении своих ангелов. Он надел мне на голову венок, а в руки вложил букет, но вовсе не из земных и недолговечных цветов, подобных вот этим, – и Эстер с презрением показала на венок, сплетенный ночью ее мужем, и букет, собранный им, – но из небесных лилий с алмазными лепестками, с изумрудными листьями. Затем в благоухающем воздухе возникло пение, оно шло неизвестно откуда, но было прекрасным, восхитительным, упоительным. О, совсем напротив, дорогой Эусеб, никогда я так сладко не спала, никогда не чувствовала себя такой здоровой и счастливой, как сегодня утром. Мне кажется, что кровь в моих жилах течет быстрее и она более горячая, чем прежде. Послушай, мой Эусеб, – добавила молодая женщина, склонив голову на грудь мужа. – Послушай, мой Эусеб, то, что я скажу тебе сейчас, похоже на покаяние, но мне кажется, что сегодня я люблю тебя совсем по-другому, чем вчера, что я принесла нечто чистое и прекрасное из того рая, где побывала во сне, и что я больше принадлежу тебе

с тех пор, как меня не давит гадкий груз, так душивший меня и подавлявший в моем сердце его естественные порывы.

– Эстер! Эстер! – взволнованно шептал Эусеб; он начинал догадываться, что ночные события не были сном, хотя его немного смущало это посещение небес, прояснившее лицо и сердце Эстер. – Эстер, припоминаешь ли ты, что необычные, почти сверхъестественные обстоятельства предшествовали твоему сну или сопровождали его?

– Господи, ничего подобного! Я спала ангельским сном. Оставь при себе свои отвратительные кошмары. Хороший сон и спокойный отдых – вот что принесло мне такое облегчение!

– Конечно, это был сон, – произнес Эусеб, проведя рукой по лбу. – А раз это был сон, незачем мне из-за этого тревожиться.

– Так оставьте этот озабоченный вид, я вам приказываю, – сказала Эстер. – Неужели вы забыли обещание, что дали мне однажды вечером, когда мы катались в лодке по озеру, по нашему прекрасному озеру с зеленой водой, и я разрешила вам просить у моего отца руку, столько раз уже пожимавшую вашу?

– Конечно, я помню о нем, моя Эстер! Я обещал тебе, что ты будешь королевой с неограниченной властью в нашем бедном маленьком королевстве.

– Да, это так... А теперь ваша королева приказывает вам улыбнуться, а в награду за ваше послушание она приготовила для вас подарок.

– Какой, любовь моя? Расскажи мне, клянусь, от этого мое удовольствие не станет слабее.

– Хорошо, милый мой Эусеб. Сегодня я чувствую себя достаточно сильной для того, чтобы встать с постели, достаточно кокетливой, чтобы желать быть красивой; я выберу самое нарядное из моих скромных платьев, и ты поведешь меня погреться под лучами прекрасного солнца; посмотри, оно пробралось сквозь стены нашей жалкой хижины и, стремясь заставить нас забыть о том, каким путем проникло к нам, оставило на полу эти прелестные рисунки.

Эусеб оглянулся вокруг: под одним из солнечных лучей блеснул предмет, сверкавший всеми огнями, словно колотый лед.

Он спрыгнул с постели, наклонился и поднял кинжал, полученный от доктора Базилиуса и сыгравший такую важную роль в драматических событиях минувшей ночи.

Это в самом деле был малайский клинок с темно-синим лезвием причудливой формы, напоминавшим язык пламени.

Молодой человек вздрогнул и некоторое время созерцал оружие в угрюмом молчании, затем положил его на стол и вернулся на свое место на кровати, нахмурившись и продолжая дрожать.

Жена спросила, чем вызвана перемена в его настроении и что это за кинжал, которого она прежде не видела у него.

Тогда Эусеб, не в силах хранить подобный секрет в своем сердце из страха, что оно разорвется, рассказал жене все, что происходило во время ее странного сна.

Молодая женщина слушала спокойно, не выказывая ни малейшего испуга.

– Ну что ж, – произнесла она, когда рассказ был окончен, – я не вижу, что может внушить тебе страх или причинить огорчение; напротив, я как нельзя более благодарна этому доброму доктору, и не столько за то, что он сохранил мне жизнь, сколько за мудрую мысль создать между нами новые узы.

– Но неужели ты считаешь это возможным? – вскричал Эусеб в ужасе.

– Я не знаю, возможно ли это, – отвечала Эстер. – Но меня утешало бы сознание того, что конец моей любви стал бы и концом моей жизни; безусловно, он хороший человек, этот твой доктор, и я готова при первой же встрече кинуться ему на шею, чтобы поблагодарить его.

– О, на этот счет я совершенно спокоен, при виде его этот каприз у тебя пройдет.

– Значит, он очень страшный?

– Нет, дело не в этом; его лицо даже казалось бы довольно добродушным, если бы не его смех – он кажется отголоском смеха сатаны, и не его глаза – они временами сверкают подобно глазам дикого зверя.

– Во всяком случае, друг мой, он не таков, каким кажется, поскольку, если верить твоему рассказу, мы оба обязаны ему жизнью.

– Да; только одно меня тревожит.

– Что именно?

– Я не могу понять особенного интереса, который он проявляет к тебе.

– Что нам до причин этого интереса, милый, если мы можем воспользоваться его последствиями? Подумай о том, что без вмешательства доктора, ты, бедный мой Эусеб, сейчас шил бы для меня саван и сколачивал доски, предназначенные укрыть мои жалкие останки. Ты не мог согласиться жить без меня, и я клянусь тебе, Эусеб, что никогда не забуду твоей преданности. Вспомни, если бы не он, для нас все было бы кончено, мы больше не радовались бы ветру, солнцу, нашей любви, нашим поцелуям! Именно ему мы обязаны всем этим, Эусеб, – этот человек занял в нашей жизни место Бога.

– Несомненно, – ответил молодой человек. – Но только безумец мог бы предположить, что доктор оказал нам услугу из простого человеколюбия. О, за добром, которое он нам сделал, скрывается какая-то тайная и страшная угроза.

– Но пока мы живы, молоды и любим друг друга... – и подняв глаза на мужа, Эстер внезапно спросила: – Уж не боишься ли ты, что скоро меня разлюбишь, не опасаясь ли за собственную жизнь?

– О! Эстер! – только и мог выговорить молодой человек.

Его жена рассмеялась.

– О, что касается меня, любимый мой, – сказала она, с милым кокетством склонив голову на плечо мужа, – я уверена, что твое сердце всегда будет биться лишь для меня, и без малейшего опасения доверяюсь нашей новой судьбе.

– Я тоже, – откликнулся Эусеб. – А то, что я говорил, означало просто нежелание без сопротивления принять фантазмагорию, которая теперь, при свете дня и рядом с тобой, кажется мне годной лишь пугать маленьких детей.

– Прости меня, мой друг, – возразила Эстер, – но на этот счет я твоего мнения не разделяю. Не только в появлении доктора было нечто сверхъестественное: мое выздоровление противоречит всем правилам медицины и опровергает всякую научную логику.

– Что же, – невольно содрогнувшись, спросил Эусеб, – уж не веришь ли ты, как другие, что доктор Базилиус связан с духом тьмы?

– Не будем пытаться проникнуть в эту тайну, друг мой, – серьезно ответила Эстер. – Повторяю, удовольствуемся тем, что станем пользоваться его благодеяниями, и докажем ему, раз ты говоришь, что он в этом сомневается: два человека могут состариться, не думая ни о чем другом, кроме своей любви, и прожить на земле безразличными ко всему, что лежит за пределами их общего счастья.

И в подтверждение своих слов юная женщина сделала такой обольстительной, показала себя до того нежной и предупредительной, что ей удалось рассеять тучу, омрачившую лицо мужа.

Она встала, сделала несколько кругов по комнате, опираясь на руку Эусеба, и наконец решила подышать воздухом у двери.

– Ну вот, – сказала она, когда Эусеб принес ей к порогу бамбуковый табурет, на котором ночью сидел доктор. – Я выздоравливаю, и пора тебе подумать, друг мой, о том, чтобы найти работу, потому что из-за моей злосчастной болезни ты потерял место, на которое мы рассчитывали, и это должно было сильно уменьшить наши сбережения.

– Увы, да! – подтвердил молодой человек, грустно глядя на свои пустые сундуки: вещи он одну за другой продал, чтобы оплатить необходимое его жене лечение.

– Да, я знаю, вернее, догадываюсь, что тебе пришлось многим пожертвовать, – продолжила Эстер, перехватив взгляд. Лиужэ – Бедный мой! Я все видела, но была так слаба, что не находила в себе сил даже поблагодарить тебя; но не беспокойся, я сторицей отплачу тебе за твою самоотверженность и исправлю свою невольную неблагодарность, – закончила Эстер, повиснув на шее Эусеба.

Потом внезапно она спросила:

– Но я подумала, почему бы тебе не обратиться к доктору Базилиусу, чтобы получить место? Он сказал тебе, что интересуется мной, и теперь, после того как вернул мне жизнь, он не допустит, чтобы мы умерли с голоду.

От этих слов облачко набежало на лоб Эусеба, и молодой человек, резко повернувшись, ушел в дом.

Эстер последовала за ним и увидела, что он, обхватив голову, сидит на постели.

– Что с тобой? – отведя ему руки от лица, спросила она и поцеловала его в лоб.

Но Эусеб, оттолкнув жену, закричал:

– Не говори мне больше об этом человеке! Послушай, Эстер, мы и так слишком многим ему обязаны. За несколько минут, проведенных им здесь, он вернул тебе жизнь, но отравил воздух, которым я дышу. Признаться ли тебе? Сегодня утром я не узнаю себя: я должен был целиком отдаться счастью видеть тебя спасенной, забыть весь мир, всех людей и помнить лишь о тебе одной, о твоей жизни, вернувшейся чудесным образом, в то время как я считал тебя умершей; ну так вот, смех этого человека преследует меня и в твоих объятиях, его голос пришивается к твоему голосу, когда ты говоришь мне слова любви, и тогда, – пожалей меня, Эстер, я так несчастен! – тогда мной овладевают сомнения: мне кажется, что мной управляет некая высшая сила, что я утратил свободу воли. Ах, Эстер, любимая моя, если эта ужасная пытка продлится, боюсь, для меня не существует больше счастья на земле!

Эстер собиралась высмеять эти страхи, которые считала химерой, когда ей показалось, будто кто-то стучит по подпорке циновки, служившей, как мы уже говорили, дверью бедному жилищу.

– Войдите! – произнес Эусеб, тоже услышавший стук; он всей душой надеялся, что какое-нибудь событие поможет ему отвлечься.

В ответ на приглашение циновка приподнялась и в комнату вошел человек, одетый в черное.

– Господин Эусеб ван ден Беек? – спросил человек.

– Это я, – ответил Эусеб, поднявшись. – Что вам угодно, сударь?

– Вы в самом деле Эусеб ван ден Беек, супруг девицы Эстер Мениус? – настаивал черный человек.

– Я Эусеб ван ден Беек, – повторил хозяин дома. – А это моя жена, Эстер Мениус.

– Госпожа, следовательно, является дочерью Вильгельма Мениуса, нотариуса из Харлема, и Жанны Катрин Мортье, его супруги?

– Да, – подтвердил Эусеб, почти испуганный этим торжественным предисловием.

– Значит, мы имеем дело с вами, Эусеб ван ден Беек, и с вами, Эстер Мениус; в таком случае нам остается лишь выполнить возложенную на нас печальную обязанность.

– Ах, Господи, да говорите же, сударь, говорите! – воскликнула Эстер. – Я вся дрожу!

– Час тому назад, сударь, нас позвали опечатать жилище господина Жана Анри Базиля Мортье, более известного в этом городе под именем доктора Базилиуса; в его доме на камине мы обнаружили завещание – в данный момент оно находится у метра Арнольда Маеса, нотариуса в Батавии, – в котором он назначает Жанну Эстер Мениус, дочь своей покойной сестры

Жанны Катрин Мортье, в замужестве Мениус, единственной и полной наследницей всего своего состояния.

– Так доктор Базилиус умер? – вскричал потрясенный Эусеб.

– Увы, сударь, это так, – скорбным и официальным тоном ответил законник. – Ваш несчастный родственник утонул сегодня утром, собираясь посетить стоящий на рейде корабль.

Эусеб был настолько оглушен новостью, что ему даже не пришло в голову спросить, как это случилось.

– Дядя! – воскликнула Эстер. – Он был моим дядей! Вот все и разъяснилось, вот почему он проявлял ко мне такой необычный интерес.

– А тело его найдено? – спросил Эусеб.

– Да сударь, и оно перенесено в его дом; вы можете отдать ему последний долг.

– Но это точно, что он мертв, действительно мертв? – продолжал спрашивать Эусеб.

Стряпчий озадаченно взглянул на молодого человека.

– Все городские врачи засвидетельствовали его смерть, но вы можете убедиться в этом сами.

– Я это сделаю, и немедленно! – вскричал Эусеб.

И не тратя времени на то, чтобы привести в порядок свою одежду, он выбежал из дома, пока Эстер, душу которой не терзали тревоги, подобные тем, что мучили ее супруга, проливая слезы над судьбой своего дяди: в детстве она слышала о нем, однако в двадцатилетнем возрасте он покинул Харлем и теперь встретился с ней лишь затем, чтобы оказать благодеяние.

– Кажется, ваш супруг был удивительно привязан к покойному, – произнес законник, прощаясь с Эстер. – Соболаговолите передать ему, что я к его услугам для выполнения всех предстоящих ему формальностей.

И, поклонившись Эстер так, как кланяется богатой наследнице мелкий служащий, то есть с глубоким смирением, он вышел вслед за Эусебом.

Но тот был уже далеко.

У. Три трупа одного умершего

Эусеб ван ден Беек шел так быстро, что человек в черном не смог догнать его.

Через четверть часа он уже был в нижнем городе.

С самого утра Эусеб, как он и сказал Эстер, не переставал думать о докторе Базилиусе.

Его рассудок отказывался верить, что этот человек мог быть наделен сверхъестественной силой, и вместе с тем Эусеб не решился бы назвать обычными события, свидетелем которых оказался.

Но с самого утра, продолжая отрицать возможность совершившегося, он чувствовал, как его охватывает глубокий ужас, стоит ему подумать о том, что, если верить бесовским словам Базилиуса, этот страшный человек следит за борьбой, происходящей в душе Эусеба, подстерегает все его сердечные порывы.

С самого утра ему казалось, что грудь его вскрыта и огромный глаз исследует ее глубины; этот взгляд Эусеб ощущал как стальной клинок, проникающий в тело.

Такая жизнь сделалась для Эусеба невыносимой, о чем он успел сказать Эстер.

Но непредвиденная и скоропостижная смерть доктора Базилиуса сильно упростила проблему.

К доводам, которым разум Эусеба преграждал путь его разыгравшемуся воображению, прибавлялась теперь физическая невозможность вмешательства доктора в его жизнь.

Он не думал о наследстве, чудесным образом вырвавшем его из нищеты, сделав одним из самых богатых жителей Батавии; но, не радуясь несчастью, которое приключилось с тем, кого он должен был считать спасителем Эстер, Эусеб все же не мог огорчаться из-за события, избавившего его от опеки, нестерпимой, несмотря на то что все помыслы опекавшего оказались чисты и невинны.

Прежде всего он испытывал потребность убедиться в том, что доктор Базилиус не смог избежать общей для всех смертных участи.

В самом деле, если врач не сумел избежать смерти, это означало отрицание той власти над ней, какую он себе приписывал.

Убедившись в том, что доктор Базилиус действительно мертв, Эусеб вернет себе блаженное спокойствие духа, утраченное им несколько часов назад.

Он шел очень быстро, но это не помешало ему заметить, что матросы в порту – по большей части малайские матросы – собираются группами и о чем-то оживленно переговариваются.

Это показалось ему вполне естественным, когда он вспомнил рассказы о том преклонении, каким окружали доктора Базилиуса моряки, обитавшие в квартале, избранном им для жительства; ни один человек в Батавии не мог понять, почему было отдано предпочтение месту, которое считалось смертельно опасным для европейцев.

Всех удивляло, что удушливый воздух, поднимавшийся от окрестных болот, не приносит вреда Базилиусу, а его бесспорное здоровье немало способствовало распространению слухов о его связи с нечистой силой.

Эусеб ван ден Беек, проделав на этот раз при свете дня и в прекрасную погоду тот же путь, что и грозовой ночью, прошел по мощеной дороге, пересек болото и мангровую рощицу и оказался перед домом доктора.

Как и накануне, дом казался необитаемым. Ни звука не доносилось изнутри, ничто не говорило о каком-либо трагическом происшествии.

Только дверь, раньше тщательно закрытая и запертая, сейчас оставалась открытой, и лишь ветер захлопывал ее.

Эусеб, не дав себе труда постучать, толкнул дверь и вошел в дом.

Он направился прямо в ту приемную, куда в прошлый раз провела его прелестная голландка.

Кипы товаров, тюки и вскрытые ящики были на своих местах, но фризка не показывалась.

Приемная была пуста.

Эусеб позвал служанку, но никто не откликнулся.

Тогда он остановился, а затем направился к той двери, за которой девушка скрылась накануне, когда доктор позвал ее.

Эта дверь вела в темный коридор.

Он пошел по нему.

В конце его из-под двери пробивался слабый свет: вероятно, это горел факел или мерцала свеча, потому что пламя казалось колеблющимся.

Эусеб открыл дверь и попятился в изумлении: он стоял на пороге комнаты, обставленной совершенно по-голландски; если бы не солнце, огненными лучами врывавшееся сквозь ромбы стекол маленького окошка со свинцовыми рамами, он почувствовал бы себя на пасмурных берегах Зейдер-Зе.

Ничто не было забыто: ни глиняная посуда из Делфта; ни ящики, полные цветущих гиацинтов и тюльпанов; ни маленький медный светильник, какие изображали на своих картинах Герард Доу и Мирис; ни мебель; ни дубовые сундуки – натертые, лоснящиеся, отполированные до блеска так, что казалось, будто их только вчера покрыли лаком; ни даже искусно сработанная железная печка, хотя при сорока градусах жары, обычной температуре Батавии, она могла служить лишь бесполезным украшением.

В противоположном от двери углу стояла дубовая кровать с витыми колоннами и занавеской из зеленой саржи.

С того места, где стоял Эусеб, невозможно было разглядеть, кто лежал на этой кровати.

Напротив нее находился стол, а на нем – маленькое медное распятие, четыре зажженные свечи и тарелка со святой водой, в которую была опущена засушенная веточка букса.

Между кроватью и столом молилась, опустившись на колени, молодая женщина, с головы до ног одетая в черное.

На шум открывшейся двери женщина обернулась, и Эусеб узнал хорошенькую голландку.

Она сделала молодому человеку знак стать рядом с ней и вновь углубилась в свои молитвы.

Эусебу стало ясно, что он находится в комнате покойного и на смертном ложе лежит доктор Базилиус.

Ему очень хотелось в этом убедиться, но пришлось бы подвинуть стол и заглянуть через плечо фризки – Эусеб не решился до такой степени нарушить приличия.

Он опустился на колени рядом с кроватью и попробовал молиться, но был так озабочен, что не мог сосредоточиться.

Эусеб взглянул на соседку, стараясь прочесть на ее лице правду о случившемся.

Она молилась искренне и набожно, и по ее щекам, немного побледневшим от горя, катились большие слезы.

«Похоже, этот ужасный доктор был все-таки довольно славным малым!» – подумал Эусеб, поскольку печаль девушки казалась идущей от сердца.

И, желая в качестве наследника поблагодарить служанку, Эусеб протянул ей руку.

Она не поняла обращенного к ней жеста и решила, что молодой человек спешит исполнить свою благочестивую обязанность; поднявшись, девушка уступила ему свое место и протянула веточку букса, пропитанную святой водой.

Эусеб оказался рядом с телом.

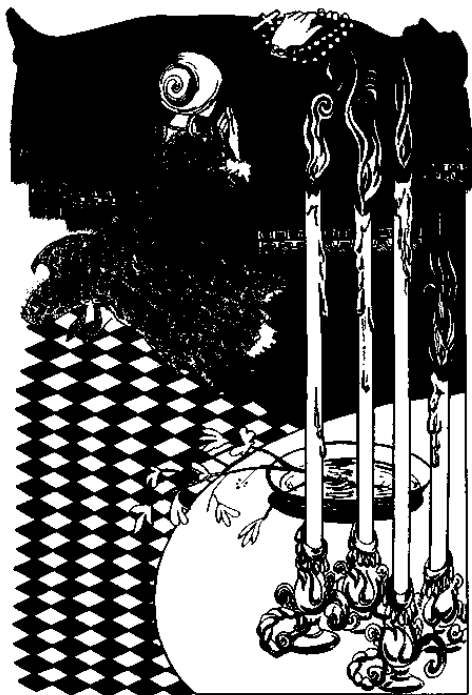
Это в самом деле был доктор Базилиус.

Значит, доктор Базилиус мертв.

Его смерть была настолько быстрой и внезапной, что черты его лица совершенно не изменились.

Глаза закрылись, дыхание исчезло, сердце перестало биться – только и всего.

Он слишком мало времени провел в воде для того, чтобы его лицо приобрело свойственный лицам утопленников мраморно-синеватый оттенок, какой вызывает удушье при погружении в воду.

Лишь его седеющие волосы слиплись от морской воды и почти полностью закрывали лоб до самых глаз.

Но рот не утратил своего выражения, он был живым на застывшем лице; минутами Эусебу казалось, что губы доктора вот-вот закривятся и послышится его металлический смех.

Руки умершего были сложены на груди; набожная голландка, полная веры в Божье милосердие, обвила их четками.

Улучив момент, когда молодая фризка погрузилась в свои молитвы, Эусеб потрогал пальцы трупа: они оказались холодными, словно мрамор.

Сомнений не оставалось: доктор Базилиус уснул вечным сном.

Выходя из комнаты, Эусеб ван дан Беек издал вздох, свидетельствующий если не об удовлетворении, то, по крайней мере, о том, что с сердца молодого человека свалился тяжелый груз.

Снова оказавшись в маленькой приемной, он заметил, что хорошенькая голландка последовала за ним.

Поскольку ее больше не сдерживало присутствие трупа, она кинулась Эусебу на шею и, рыдая, поцеловала его.

– О Боже мой, Боже мой! – восклицала она. – Бедный доктор Базилиус! Такой добрый хозяин, и я так скоро потеряла его! Что со мной будет, великий Боже?

– Но как же случилось это несчастье? – спросил Эусеб, до сих пор не знавший подробностей случившегося.

– Он собирался посетить больных на борту китайской джонки; волна перевернула лодку, доктор упал в море, а когда его вытащили из воды, он уже был мертв.

– О Господи! – произнес Эусеб.

– Какая потеря для всех нас, сударь! – продолжала фризка. – Он был такой добрый, такой милосердный!

– Но мне кажется, что вчера вечером вы говорили совсем другое, милое мое дитя, – заметил Эусеб.

– Ах, сударь, вы меня плохо поняли; могу ли я, не показав себя неблагодарной, сказать что-либо другое о человеке, чей хлеб ела два года, о человеке, заменившем мне отца?

– Да? – удивился Эусеб. – Доктор Базилиус заменил вам отца?

– Конечно; и останься он в живых, я никогда бы не узнала нужды. Что со мной будет, Господи Иисусе?

После этих слов фризка снова начала плакать, и так трогательно, что Эусеб, который, надо признаться, самым невыгодным для девушки образом оценивал ее положение в доме доктора, не знал, что и подумать.

– Дитя мое, – сказал он. – Я обещаю, что позабочусь о вас; я не забыл и никогда не забуду вашего вчерашнего дара. Мы найдем для вас хорошее место.

– Место в этом городе, сударь? – возразила красавица-голландка. – Никогда, никогда! Разве вы не знаете, что честная европейская девушка не может согласиться занять положение, которое ей предлагают в большинстве домов Батавии?

– Если хотите, дитя мое, я оплачу вам проезд и вы вернетесь в Голландию.

– Увы! Сударь, мои родители умерли, и там я найду лишь могилы; но все равно, хотя я уже и испытала на себе, что значит для добродетельной девушки совершить долгое плавание среди людей без чести и совести, я воспользуюсь вашим предложением, господин ван ден Беек, и вернусь в Голландию. Я должна в память о моем благодетеле оставаться чистой и честной.

В эту минуту с верхнего этажа послышались громкие крики.

Услышав их, голландка сильно побледнела.

– Что это? – спросил Эусеб.

– Не знаю, – ответила девушка, стараясь как-нибудь отвлечь внимание молодого человека. – Наверное, это малайцы дерутся.

– Нет, – сказал Эусеб и повелительно взмахнул рукой. – Это кричит женщина; значит, вы не одна в этом доме?

И, прежде чем голландка могла помешать ему исполнить свое намерение, не слушая ее просьб и молений, Эусеб устремился к лестнице, которая, как ему казалось, вела в верхние комнаты.

Он пересек четыре или пять комнат, беспорядочно заваленных товарами и в точности повторявших маленькую приемную первого этажа.

По мере того как Эусеб продвигался, крики, все более страшные и пронзительные, не умолкали, но, хотя женщина кричала где-то у него над головой, он не видел никакой лестницы, по которой мог бы попасть на верхний этаж.

Наконец Эусеб заметил в углу комнаты лесенку из бамбука, взобрался по ней к потолку и обнаружил люк; толкнув крышку этого люка и просунув в него голову, он увидел странное зрелище.

Своеобразный бельведер, в который он проник, был выстроен в форме негритянской хижины на Мадагаскаре: он был круглым.

Над открытой всем ветрам решеткой (сквозь ее просветы виднелся город; мангровые заросли и рейд) толстые стебли бамбука, оплетенные пальмовыми ветвями, образовывали ост-роконечную крышу, достаточно плотную и высокую для того, чтобы воздух, циркулируя под ней, помогал переносить жару.

Всю обстановку хижины составляли тростниковая кушетка, деревянный сундук с медными украшениями и инкрустацией из ракушек да несколько разбросанных по полу глиняных сосудов.

Хижину пересекал гамак из кокосовых волокон, подвешенный к двум бамбуковым стропилам крыши.

Гамак с человеком, казалось отдыхавшим в нем, качался, и, несомненно, это движение возобновляли, как только гамак останавливался.

Эусеб буквально остолбенел, увидев в хижине женщину; не обращая на него никакого внимания, она продолжала испускать вопли, возбудившие его любопытство.

Это была негритянка самой ослепительной и самой безупречной красоты.

Настоящая черная Венера.

Ей было не более пятнадцати лет; совершенные черты лица, тонкая гибкая шея, поднимавшаяся над стройными плечами, и талия, образец которой следовало бы искать среди всего, что могло создать лучшего древнее и современное искусство ваяния.

Одежду ее составлял кусок голубой хлопчатобумажной ткани с золотыми и пурпурными полосками, какую ткут в Тунисе; негритянки называют эту ткань «фута». Этот кусок материи держался у пояса на стеклянных застежках.

Казалось, юную женщину терзало жестокое горе.

В обеих руках она держала по раковине с острыми режущими краями и, ударяя себя ими по рукам и груди, наносила себе глубокие царапины, не переставая громко кричать.

По ее телу струилась кровь.

В хижине, освещенной лишь несколькими лучами солнца, проникавшими сквозь решетчатые стены и бамбуковую крышу, было довольно темно, и Эусеб не сразу понял, что делает эта женщина.

Разобравшись в происходящем, он немедленно ворвался в хижину и попытался остановить руку негритянки.

Но, оказавшись в это мгновение рядом с гамаком и увидев лежащего в нем человека, охваченный ужасом, он отшатнулся назад.

Быстрым, словно мысль, движением Эусеб оторвал часть решетчатой стены. В полумраке он еще мог сомневаться, но теперь луч солнца, осветив хижину, упал на лицо этого человека, или, лучше сказать, этого трупа.

Это было тело доктора Базилиуса.

Все то же синевато-бледное, но спокойное лицо с теми же прилипшими ко лбу волосами и искаженным гримасой рта, что молодой человек видел в комнате внизу.

Эусеб почувствовал, что колени у него подгибаются, а волосы на голове встают дыбом; он попятился, не в силах отвести взгляд от трупа, добрался до люка, скорее соскользнул, чем спустился, по бамбуковой лесенке и убежал, предоставив негритянке продолжать кровавым способом демонстрировать покойному свое горе.

Пока Эусеб ван ден Беек дошел до приемной нижнего этажа, его волнение достигло такой степени, что он вынужден был сесть.

На лбу у него выступили крупные капли пота, зубы судорожно стучали, а сердце билось так неистово, что он боялся задохнуться.

Он решил проветрить комнату, в которой находился, и приподнял китайскую штору, закрывавшую окно.

Это окно выходило в маленький садик с европейскими кустарниками, которые в прокаленной земле влачили такое же жалкое существование, как тропические деревья в наших оранжереях.

Два малайца в молчании занимались работой, заинтересовавшей Эусеба до того, что он на минуту сумел отвлечься от охватившего его ужаса.

В самом деле, эти двое воздвигли посреди сада нечто вроде костра, уже достигшего двухметровой высоты, и продолжали симметрично укладывать куски дерева, доводя свое сооружение до огромных размеров.

Между рядами дров они размещали пучки рисовой соломы и ветви смолистых деревьев, чаще всего – фисташкового и камфарного.

Все более изумляясь, Эусеб выпрыгнул в окно и приблизился к двум малайцам, не прерывавшим своей работы.

– Что это вы здесь делаете? – спросил он.

– Разве вы не знаете? – на дурном голландском ответил один из них. – Ведь это ни на что другое, кроме костра, не похоже.

– Значит, это костер?

– Конечно.

– И что вы собираетесь делать с этим костром?

Малаец пожал плечами и, забравшись на кучу дров, поправил несколько толстых досок, небрежно уложенных его товарищем.

Эусеб повторил свой вопрос.

– Ну, а покойник? – сказал малаец. – Вы что, собираетесь его выбросить в море как собаку?

И с этими словами он указал не на первый этаж дома, где Эусеб видел лежащий в постели труп, но в сторону своего рода индийской беседки, видневшейся в конце сада.

Чувствуя непреодолимое любопытство, Эусеб направился к ней.

Это было довольно большое сооружение; его глиняные, выбеленные известью стены покоились на грубо вытесанных каменных опорах, представлявших собой изображения фантастических персонажей: людей с бычьей или слоновьей головой, многоруких тел, гермафродитов – словом, весь набор индусской теогонии.

У двери сидел старик с белой бородой, одетый в костюм брамина с Малабарского берега, и, казалось, наблюдал за работой двух малайцев.

– Покойник? – коротко спросил Эусеб.

Старик, не отвечая, пальцем указал через свое плечо, вовнутрь беседки, и посторонился, чтобы пропустить голландца.

Эусеб ван ден Беек оказался в большой комнате, освещенной пламенем дюжины древних бронзовых светильников, формой напоминавших этрусские.

Посредине комнаты на постели, точнее, на груде подушек, лежал труп, в котором Эусеб тотчас же узнал доктора и который ничем не отличался от двух тел, виденных им прежде. Напротив покойного, под нишей с изображением бога Брахмы, перед которым горели три лампы из тех, о которых мы говорили, на золотом стульчике сидела, прислонившись к стене, молодая женщина.

Вид третьего трупа окончательно вывел Эусеба ван ден Беека из равновесия. Неожиданно переселившись в фантастический мир призраков, бедняга уже не знал, живет он в самом деле или грезит; кровь бурно прилиwała к голове и шумела в ушах; ему казалось, что рассудок вот-вот покинет его, а между тем глаза его встретились со взглядом странной женщины, сидевшей у тела, и не могли оторваться от ее лица.

Кожа ее была не смуглой, как у индианок полуострова или малаек с Зондских островов, но светло-желтой, как у женщин Визапура.

Черты ее отличались правильностью, свойственной кавказской расе; огромные глубокие глаза имели чистый темно-синий цвет, довольно редкий у женщин с ее оттенком кожи.

Грудь ее покрывали своего рода латы из кусочков очень легкого дерева, оправленных в золото и серебро и украшенных драгоценными камнями.

Талию ее стягивал муслиновый шарф, и его прозрачные складки как бы служили переходом от наготы верхней части тела к изобилию драпировок, скрывавших бедра и ноги до самых ступней, почти целиком спрятанных под тканью.

Руки, пальцы и шея ее были отягощены множеством браслетов, ожерелий и колец причудливой формы и удивительно тонкой работы.

В странном противоречии со всем этим голова ее была лишена подобных украшений; черные и блестящие, словно вороново крыло, волосы покрывал лишь простой веночек из цветов и листьев лотоса.

Она оставалась безмолвной и неподвижной как статуя; только глаза свидетельствовали о том, что она живая, и взгляд, направленный на Эусеба ван ден Беека, казалось, призывал его обратиться к ней.

– Кто вы? – спросил ее Эусеб.

Желтая женщина, устремив глаза на молодого человека, знаком показала, что ничего не понимает.

Он взял ее руку – она позволила это сделать.

Рука была холодная как лед, и все же Эусебу почудилось, что от нее по его жилам побежал огонь.

– Пойдемте со мной, – сказал он, жестом предлагая ей подняться.

Желтая женщина медленно опустила свои длинные ресницы и отрицательно покачала головой, указывая на труп.

Тогда Эусеб вспомнил, что по обычаю малабарских индийцев жена должна взойти на костер с телом мужа. Сделав вопросительный жест, он показал желтой женщине на кучу дров, видневшуюся сквозь приоткрытую дверь беседки и продолжавшую расти стараниями двух малайцев.

Она печально склонила голову, потом отделила от своего венка цветок лотоса и протянула его молодому голландцу.

Сам не замечая, что он делает, Эусеб взял цветок.

– Но это невозможно! – воскликнул он. – Этот варварский обычай, уничтоженный в Индии, не может существовать здесь; к тому же этот человек не был вашим мужем, и религиозные предрассудки не могут принудить вас умереть вместе с ним. Я отправлюсь к губернатору, я не допущу, чтобы юная и прекрасная женщина умерла такой ужасной смертью.

В это мгновение Эусебу послышалось, что в его ушах раздался пронзительный металлический смех доктора Базилиуса.

Он обернулся, ожидая увидеть доктора стоящим или, по меньшей мере, сидящим.

Труп был на прежнем месте, окоченевший и неподвижный, ни один мускул не шевельнулся в его лице.

Тогда под действием все усиливающегося страха, от которого его на мгновение отвлек вид прекрасного создания, охранявшего третий труп, Эусеб закрыл лицо руками и убежал не оглядываясь.

VI. Дату Нунгал

Стоило Эусебу оказаться на набережной, как страшная тяжесть, сдавившая ему грудь, исчезла и стало легче дышать.

Он чувствовал, что покинул царство мертвых и вернулся к обычной жизни; его радовали шум и движение на улицах и на рейде; проезжавшие во всех направлениях повозки, люди в разнообразных костюмах, кричащие на всех языках и бранящиеся на всевозможных наречиях, – все это казалось ему вещественным доказательством реальности его существования, подтверждало, что он вырвался из мира призраков, открывшегося ему такими ужасными видениями.

Прежде всего голландец хотел определить, что ему делать и на чем остановиться; но воспоминания о недавних событиях были еще настолько сумбурны, что он решил выбросить их из головы и совершать какие-либо поступки лишь после того, как посоветуется с Эстер, не только обладавшей прекрасным сердцем, но и в высшей степени наделенной здравым смыслом.

А пока он принялся бродить по набережным, стараясь окончательно прийти в себя и успокоить охватившее его возбуждение.

Мы уже говорили, что город Батавия выстроен не на самом берегу моря, а отделен от него каналом длиной около трех миль, ведущим к рейду.

Вход в этот канал был некогда устьем небольшой речки; тина и обломки, которые она несла с собой, образовали мощную запруду.

Привычные к морским работам, голландцы, желая остановить постоянно прибывающие наносы, угрожавшие рейду и делавшие сообщение с ним все более затруднительным, изменили течение реки и превратили ее в канал. Две плотины, каждая около двух миль длиной, направляют движение реки среди прибрежных болот.

К одной из этих плотин и направился Эусеб.

Когда он дошел до ее конца, внимание его привлекло большое малайское прао, собиравшееся сняться с якоря и, воспользовавшись отливом, выйти в открытое море.

У этого судна водоизмещением примерно в сорок тонн был тонкий изящный киль и огромный ют, снабженный с обеих сторон платформами вроде русленей (их поддерживали прочные изогнутые деревянные опоры).

На носу были закреплены две шестифунтовые пушки, которые могли откатиться назад, пройдя под ютом, если судну пришлось бы не преследовать врага, но убежать от него. По каждому борту находились три карронады с двухфунтовыми ядрами. Судно было двухмачтовым, с двойным рулем и несло паруса из циновок, которые натягивались с помощью множества бамбуковых реек.

Команду судна составляли десятка три малайцев.

Одни были заняты тем, что ставили на место руль, прикрепляя его к ахтерштевню прочными лентами, сплетенными из ротанга; другие, пользуясь тем, что прао причалило к плотине, грузили последние припасы.

Капитан стоял на плотине, прислонившись к одной из причальных тумб, наблюдал за работами и лениво жевал бетель.

При неудачном маневре матросов волна ударила в руль, резко толкнула его, и тяжелое орудие, еще не закрепленное, качнулось, при этом румпель опрокинул одного человека; несчастный, оглушенный ударом, не догадался ухватиться за ротанговую веревку, служившую перилами, и упал в море. Его товарищи в ту же минуту бросили ему канаты, но течение в этом месте было сильное, и беднягу стало сносить в открытое море; он не мог поймать брошенную снасть, и пришлось спускать на воду лодку, чтобы спасти его.

Капитан, на глазах которого произошла эта сцена, казался до того безразличным, что Эусеб усомнился, действительно ли перед ним хозяин судна и в самом ли деле несчастный, плывущий по воле волн, чтобы, по всей видимости, сделаться пищей для наводнявших рейд Батавии акул, является подчиненным человека, так мало интересующегося его судьбой. Но сомневаться не приходилось, поскольку, прежде чем выгрузить из шлюпки громоздившиеся в ней тюки, малайцы повернулись к молчаливому капитану, ожидая приказа, и не брались за весла, пока он знаком не скомандовал: «Вперед!»

Эусеб ван ден Беек стал более внимательно разглядывать этого человека.

Ему могло быть лет тридцать пять; он казался более сильным и шире в плечах, чем обычно бывают люди желтой расы; глаза, не такого узкого разреза, как у его соотечественников, и почти орлиный нос, отличавший его от негра, приближали его внешность к европейской.

В выражении его лица сочетались свирепость, дерзость и хитрость.

Одет он был в причудливый наряд: широкие штаны из черного шелка, закрывавшие ноги ниже колен, и блуза наподобие матросской из пестрой индийской ткани в ярких цветах. Тканый золотом кусок муслина обвивал его голову тюрбаном; наконец, за пояс у него был заткнут малайский крис с рукояткой слоновой кости, оправленной в золото, а с пояса свисал мешочек с бетелем.

Но самым удивительным Эусебу ван ден Бееку показалось то, что между складок блузы он заметил тонкие и гибкие кольца кольчуги.

Капитан, догадавшись, что сделался объектом внимания, с самым развязным видом приблизился к Эусебу, на ходу посыпая известью ядро ореха, которое вынул из мешочка, и сказал на чистейшем голландском языке голосом, заставившим Эусеба содрогнуться:

– До чего же неуклюж этот негодяй, не правда ли, сударь?

– Но мне кажется, что этот несчастный ни в чем не виноват, – ответил Эусеб.

– Виноват он или нет, но мне этот прыжок в воду обойдется в несколько тысяч пиастров.

– Что, этот человек – раб и вы так дорого заплатили за него, как говорите? – поинтересовался Эусеб.

– Нет, – сказал малаец. – Но тем не менее этот мерзавец меня разоряет.

– И все же, капитан, – улыбаясь, возразил Эусеб, – по вашему виду не скажешь, чтобы вы очень волновались из-за этого прыжка в воду, который, по вашим словам, разоряет вас.

– А зачем волноваться? – произнес моряк. – Я мусульманин, сударь; что предначертано, то и сбудется, и мое настроение ничего не изменит; но, если вы непременно хотите получить разъяснение моих слов, взгляните вон туда.

Взглянув в указанном направлении, молодой голландец увидел флотилию китайских джонок, направлявшуюся в открытое море.

– Те длиннохвостые негодяи и не подозревают об услуге, оказанной им дураком, которого в данный момент мои матросы отнимают у акул, – продолжал малаец.

– Я не понимаю вас.

– Черт возьми! Господин ван ден Беек, – при этих словах Эусеб вздрогнул, подумав, откуда этот моряк, впервые им встреченный мог знать его имя. – Это же совершенно ясно, мы потеряем час, пока станем вылавливать этого шутника, а за час проклятые джонки успеют набрать скорость, и, как бы ни налегали на весла мои тридцать парней, сомневаюсь, чтобы до темноты я успел догнать этих любезных поклонников бога Фо.

– А почему вы непременно хотите догнать их до наступления темноты?

– Почему? – капитан сопроводил свой ответ резким металлическим смехом, так сильно напомнив Эусебу доктора Базилиуса, что он вздрогнул. – Почему? Да просто мне хочется посмотреть, аккуратно ли уложены товары у них в трюмах, и избавить эти несчастные суденышки от лишнего груза, мешающего им двигаться.

– Ах, так вы пират? – спросил Эусеб, еще пристальнее всматриваясь в капитана.

– К вашим услугам. Уж не выгляжу ли я честным человеком? Вы первый принимаете меня за такого.

– И вы не боитесь в этом признаться, сказать это первому встречному, пока вы еще стоите на голландском рейде, под пушкой губернаторского стационара? – удивился Эусеб, пораженный такой дерзостью.

– Во-первых, – насмешливо ответил малаец, – я действительно это сказал, но сказал вам, а вы для меня не первый встречный. Признаете ли вы это, господин наследник? – с этими словами малаец показал Эусебу цветок лотоса, который тот получил от индианки и потерял во время бегства.

– В самом деле, если бы это не было безумием, я подумал бы, что вы...

Он замолчал, ужаснувшись тому, что собирался произнести.

Капитан расхохотался.

– Что я доктор Базилиус, не так ли! Ну-ну, издали мы с ним похожи. Но успокойтесь, я не доктор Базилиус, вовсе нет! Доктор Базилиус мертв, действительно мертв. Как, вам мало трех трупов, когда довольно и одного, чтобы засвидетельствовать чью-нибудь смерть? Чего же вы еще хотите, молодой человек? Повторяю еще раз, дяди вашей жены нет на свете, а тот, кто стоит перед вами, тот, кто говорит с вами и на кого вы смотрите словно на привидение, сегодня утром влез в шкуру дату Нунгала, полновластного хозяина судна «Магомедия»; этот самый Нунгал покончил с собой сегодня ночью, между двумя и тремя часами, из-за того, что проиграл свою долю добычи в игре, от которой в один безумный день поклялся навсегда отказаться. В данную минуту я Нунгал, и никто иной. Может быть, когда-нибудь я снова изменюсь; возможно, это будет зависеть и от твоего благоразумия, Эусеб ван ден Беек.

Если бы малайскому капитану угодно было продолжать говорить еще полчаса, у несчастного Эусеба, раздавленного тем, что он видел и слышал, не было бы сил прервать его.

Но дату Нунгал остановился.

– Что вы хотите сказать? – спросил Эусеб. – Объясните; каждое ваше слово представляет для меня загадку, разгадывать которую у меня духу не хватает. С тех пор как двадцать четыре часа тому назад доктор Базилиус вмешался в мою жизнь, я уже не знаю, продолжаю ли жить сам по себе или не перестаю метаться под безмерной тяжестью кошмара. Я сомневаюсь в себе, в других, в Боге, сомневаюсь во всем, и небесный свод кажется мне огромной сетью, под которой бьются жертвы, предназначенные, подобно мне самому, сделаться игрушкой сверхъестественных сил, против которых человеческий разум, здравый смысл и свободная воля не в силах бороться.

– Да, жалуйтесь на свою участь, тем более при мне! Через несколько часов я выйду в открытое море и в нескольких сотнях льё отсюда буду точить клюв и когти на скверных морских птиц, которые на свою беду встретятся мне на пути, а господин Эусеб ван ден Беек тем временем получит кругленькую сумму.

– Я не желаю этого наследства, я отказываюсь от него! – воскликнул Эусеб. – Вы никогда не были дядей Эстер!

– Ну и пусть! Не все ли вам равно, если тот, кого называли Базилиусом, представлял его?

– Нет, потому что принять это наследство означало бы вступить в сделку с силами ада, которые я отрицал и которые вынужден признать.

– Какое же вы дитя! – произнес дату Нунгал, доставая из-за пазухи бумагу, в которой Эусеб с ужасом узнал ту, на которой прошлой ночью поставил свою подпись. – Вот договор, связавший вас с тем, кто теперь представляет на земле Базилиуса, хоть этот документ и не написан огненными буквами на черном пергаменте и на нем вместо печати ада стоит государственная печать. В наше время, друг мой, вексель – вот настоящая адская сделка. Поверьте мне, человек, подписавший заемное письмо, больше не принадлежит себе: если он не оплатит его в срок, в указанный час, минуту и секунду, он делается имуществом, принадлежащим кредитору. Дурак Шейлок просил всего два фунта плоти; надо было требовать сто двадцать, сто тридцать, сто сорок фунтов: он получил бы их. Современные ростовщики не так глупы, они просят все тело, и им дают его без труда. В самом деле, свободно высказанная воля человека, изложенная на бумаге и подписанная его именем – чернилами ли, кровью ли, – не довольно ли этого, чтобы поработить этого человека, и не связаны ли мы друг с другом неразрывно с той минуты, как в обмен на жизнь твоей жены, подаренную мной, ты поклялся мне бороться со влечениями, какие, по моему утверждению, ты не в силах побороть? Ну, неужели ты, зять нотариуса, в этом не разбираешься? Такой договор называется взаимобязывающим и вступает в силу с той минуты, как одна из сторон начинает выполнять свои обязательства.

– Но, давая это обещание, я думал, что даю его одному из себе подобных! – вскричал Эусеб. – Я считал, что принимаю на себя обязательства по отношению к такому же человеку, как я, а не демону!

– Иными словами, ты рассчитывал остаться свободным и просто-напросто нарушить обещание, как только получишь от ближнего своего то, чего хотел, – иными словами, ты надеялся, что человек, с которым ты связан обязательством, не сможет принудить тебя выполнить его или наказать тебя за то, что ты нарушил обещание. Ах, ты собирался одурачить меня, бедный мой Эусеб! К несчастью твоему, этого не будет; но если для успокоения твоей богобоязненной совести тебе нужна уверенность в том, что я не являюсь ни Ариманом персов, ни Тифоном египтян, ни Пифоном греков, ни Сатаной Мильтона, ни Мефистофелем Фауста, ни змеем Висконти, ни Бафометом тамплиеров, ни Грауилли, ни Тараской, ни средневековой химерой, ни чертом, наконец, – я могу тебя в этом уверить. Впрочем, если ты сомневаешься в моих словах, – а я позволю тебе в них усомниться, – можешь заглянуть мне в туфли, можешь заглянуть под тюрбан, *vide pedes, vide caput*,³ и ты не найдешь ни рогов, ни раздвоенного копыта.

– Так кто же вы?

– Воля.

– Воля?

– Да, воля, направленная к одной цели – бессмертию.

– Тела или души?

– Тела, глупец. Душа бессмертна по самой своей сущности, тогда как тело бrenно.

– Значит, вы бессмертны?

– Я вовсе не бессмертен, но живу уже примерно сто тридцать или сто сорок лет. Я хотел бы достичь, по крайней мере, трехсотлетнего возраста: то, что происходит в мире в последние сто двадцать лет, так интересно! Именно это желание и навело меня на мысль возродить кабалистику, науку, которую считали отжившей, именно это желание дало мне силу и власть, размеры которых ты уже имел возможность оценить.

– И вы можете сражаться со смертью? – с возрастающим ужасом спрашивал Эусеб.

– По-моему, ты сам видел. Послушай!.. Я открою тебе одну из неведомых истин, какие станут известны только через века. Смерть – это порожденный невежеством призрак; ее не существует, тело служит душе одеждой, и только. Когда это тело совершенно износится или окажется серьезно и непоправимо поврежденным, она сбросит свое жалкое рубище у первого же придорожного столба. Так вот, милый мой, – прибавил доктор с тем смехом, от которого холод пробирал Эусеба до мозга костей, – я умею менять платье, пока оно не протерлось, вот и все.

– Но как это можно сделать?

– Ах, прости, но я совершенно не собираюсь рассказывать тебе, как это делается, потому что, если я объясню тебе это, ты станешь таким же ученым, как я сам. Однако тебе можно узнать, – хотя я и не обязан говорить тебе это, но хочу дать возможность выиграть, – что в день, когда Эусеб ван ден Беек, разочарованный и пресытившийся своей женой, Эстер Мениус, скажет сам себе: «Где, черт возьми, была моя голова, когда я посреди ночи отправился за доктором Базилиусом, разрази его гром? Зачем этот адский доктор вернул жизнь той, кого унесла смерть?» – в этот день душа Эусеба ван ден Беека захочет покинуть его тело, и это тело будет еще молодым, свежим и вполне пригодным для того, чтобы прожить лет тридцать, а в то же время, все равно в каком месте, найдется скверный главарь разбойников, жестокий капитан пиратов, который в ожидании лучшего с удовольствием проведет эти тридцать лет в указанном теле.

– Так, значит, смерть, о которой было объявлено сегодня утром?..

– Перемена чехла, только и всего.

– И вы будете жить так...

– До скончания века, я думаю, поскольку рассчитываю на то, что человеческая злоба и глупость до дня Страшного суда будут вызывать в людях отвращение к жизни.

³ Посмотри ноги, посмотри голову (лат.)

– О, я еще не принадлежу вам, сударь, – сказал Эусеб. – Теперь, когда вы меня предупредили, я буду беречься и обещаю вам, что вы рискуете окончить свои дни в шкуре дату Нунгала.

– Ты так думаешь? – усмехнулся малаец.

– Я за это ручаюсь.

– Что ж, раз ты так уверен в успехе, у тебя больше нет причин отказаться от наследства.

– Я беру его, – решительно произнес Эусеб. – Я беру его! Богатому и счастливому, мне легче будет устоять перед адскими соблазнами, которыми вы, несомненно, окружите меня. Часть этих денег я отдам на благотворительные цели, привлеку на свою сторону Небо, и оно одержит верх над вами, чья власть, как бы вы ни отрицали, имеет адское происхождение.

– Попробуй, – ответил капитан, – попробуй и живи в свое удовольствие! Жизнь коротка, а твоя в особенности не обещает быть долгой, так что постарайся сделать ее приятной. До свидания, Эусеб.

После этих слов пират повернулся к молодому человеку спиной, как будто у него были занятия поважнее, чем продолжать беседу, и сделал матросам, уже вернувшимся на борт своего товарища и закончившим все приготовления к снятию с якоря, знак, по которому четверо из них взялись за весла и подогнали лодку к плотине.

Малайский разбойник перешагнул через парапет набережной, схватился за трос, к которому крепился буюк в открытом море, и, дождавшись, пока лодка пройдет прямо под ним, отпустил трос и оказался среди гребцов, которые тотчас же направились в сторону судна.

Оказавшись у борта прао, Нунгал медленно поднялся по вделанным в обшивку ступенькам и стал командовать маневром. С помощью ротанговых снастей соломенные паруса встали под ветер, натянулись под свежим бризом – судно тронулось с места и обогнуло плотину.

Когда оно поравнялось с концом мола, Нунгал поднялся на ют и в знак прощания послал Эусебу, словно приросшему к земле, последний зловещий смешок.

И только когда судно, летевшее будто на крыльях, исчезло за горизонтом, Эусеб собрался вернуться домой. Он пришел туда в неопишемом нервном возбуждении. В тот же день его охватила лихорадка, и врач, которого Эстер пришлось позвать ночью, объявил, что, по его мнению, больной не выдержит больше трех дней приступов столь жестокой горячки.

VII. Странная приписка

Вы, конечно, помните, дорогие читатели, некоего человека, объявившего Эусебу ван ден Бееку и Эстер Мениус о смерти их дяди, доктора Базилиуса.

Этот человек был старшим клерком у нотариуса Маеса, чья контора находилась на площади Вельтевреде, одной из самых красивых в Батавии.

Нотариус Маес был чудаком, далеко не лишенным характера, и вполне заслуживает того, чтобы мы посвятили ему одну или две страницы.

Внешне нотариус был высоким, толстым и одутловатым. Его бело-розовое безбородое лицо, украшенное носом Роксоланы, составляло довольно забавный контраст с ростом тамбур-мажора и богатырским сложением метра Маеса.

Что касается нравственного облика нотариуса Маеса, то он был двойственным; мы хотим сказать, что в одном теле как бы существовали два различных человека.

Одним из них был метром Маесом, нотариусом.

Другой – просто господином Маесом.

Нельзя и представить себе более спокойного, методичного, пунктуального, степенного и благоразумного человека, чем метр Маес, нотариус. Если бы какой-нибудь клиент потребовал явиться к нему в четыре часа утра, нотариус и тогда вышел бы из дома не иначе как в черном сюртуке, белом галстуке и свежих перчатках, в полном соответствии с батавийским этикетом.

Никто не видел нотариуса Маеса идущим пешком по улице прежде, чем зайдет солнце.

Исполняя свои обязанности, он никогда не улыбался; его лицо оставалось серьезным и напоминало о завещании даже в том случае, когда речь шла о брачном контракте.

Нотариус всегда обращался к клиентам только в третьем лице и ловко переводил разговор, как только речь заходила о чем-то не относящемся к его обязанностям.

Но каждый вечер, ровно в шесть часов, метр Маес, облегченно вздохнув, расставался со своей манерой держаться, надменностью и мрачным видом. На его широком лице расцветала довольная улыбка, и он сбрасывал с себя черные брюки и сюртук, сдавливавшие его тело, с про-

ворством и бесцеремонностью, приводившими в отчаяние г-жу Маес, женщину скромную и приличную, хотя живую и резвую по характеру. Затем нотариус, надев белый пикейный костюм и пританцовывая на ходу, насколько позволяла его грузность, отправлялся выпить четыре-пять стаканчиков имбирного пива, после чего делался просто Маесом – славным малым, не лишившим себя после обеда тайных наслаждений, доставляемых трубочкой опиума. Более того – иногда он отправлялся в узкие улочки и под соломенные кровли Меестер Корнелиса, и в таком случае вечер непременно заканчивался в китайском Кампонге, в маленьком театре на площади Ваянг-Чайна, причем злые языки поговаривали, что нотариус куда меньше интересовался драматическими произведениями Небесной империи, чем нравами хорошеньких малаек, из которых состояла наиболее соблазнительная часть труппы.

В тот час когда мы выводим на сцену г-на Маеса, он не успел еще вступить в радостную фазу своего повседневного существования.

Было около пяти часов пополудни, и он сидел в своем кабинете перед столом, заваленным кипами бумаг и делами, из коих нотариус делал выписки с прилежанием, которое должно было внушить клиентам вполне оправданное доверие. Но время от времени мощный торс г-на Маеса мучительно извивался под черным сюртуком, шея выворачивалась из белого галстука, словно торсу и шее не терпелось сбросить оковы, а глаза, перед тем как вновь уставиться в бумаги, меланхолично останавливались на больших часах красного дерева, отсчитывающих время с нестерпимой медлительностью и однообразием. Дверь отворилась.

– Сударь, – произнес один из клерков метра Маеса, дежуривший в комнате, расположенной перед кабинетом, где мы застали этого последнего, – сударь, здесь находится госпожа ван ден Беек-Мениус, она хотела бы с вами побеседовать, если это не слишком беспокоит вас.

– Пригласите ее войти, пригласите, Вильгельм Рейк, – ответил метр Маес. – Не следует заставлять клиентов ждать... а тем более клиенток, – прибавил нотариус с самой многозначительной улыбкой.

Немедленно сообразив, что молодой человек может как-нибудь легкомысленно истолковать его слова, метр Маес поправился:

– Особенно, когда речь идет о таких почтенных клиентках, как госпожа ван ден Беек-Мениус. Пригласите ее, друг мой, пригласите.

Нотариус бросил взгляд в маленькое венецианское зеркало, висевшее над обитым малиновым шелком диваном, желая убедиться в том, что недавние проявления нетерпения не нарушили складок его галстука и гармонии костюма.

Клерк ввел в кабинет г-жу ван ден Беек.

Беспокойство, внушенное состоянием мужа, как и недавняя болезнь, оставили след на лице Эстер. Она побледнела, но от этого еще более похорошела.

Нотариус церемонно придвинул ей кресло.

– Прежде всего, сударыня, – обратился он к ней самым официальным тоном, – я желал бы осведомиться о здоровье господина ван ден Беека.

– Мой муж чувствует себя лучше, сударь, – ответила молодая женщина. – К счастью для него, самые ненадежные оракулы принадлежат к медицинскому факультету: лечивший его врач привел меня в полное отчаяние.

Метр Маес улыбнулся, и Эстер продолжала:

– Молодость и крепкое сложение победили болезнь, и мы счастливо отделались от этой страшной горячки, во время которой моего мужа терзали ужасные видения; это лихорадочное возбуждение сменилось внушающим некоторое беспокойство оцепенением, но мы надеемся справиться и с этим.

– Я думаю, – прервал ее нотариус, сочтя что приличия достаточно соблюдены и желая в столь поздний час поскорее перейти к делам, – я думаю, госпожа ван ден Беек-Мениус пришла побеседовать со мной о наследстве, доставшемся ей от дяди, доктора Базилиуса.

– Разумеется, сударь, поскольку ваш клерк, посетивший меня вчера, сообщил о приписке в завещании: некоторые упомянутые в ней обстоятельства могут изменить содержащиеся в нем распоряжения.

– Действительно, это так, сударыня, но начнем с самого начала. Позвольте мне прочесть вам опись движимого и недвижимого имущества, оставленного покойным господином доктором Базилиусом, которую я составил в соответствии с законом.

– Пусть будет по-вашему, сударь, – наклонив голову, ответила Эстер.

– Я имею честь сообщить вам, сударыня, что это значительное состояние, более значительное, чем вы и ваш супруг могли разумно предполагать. Актив, по моему мнению, составляет не менее полутора миллионов флоринов; что касается подлежащих оплате долгов, то дела доктора Базилиуса были в таком порядке, что он никому не должен был и сантима.

– Ах, Боже мой! – воскликнула молодая женщина. – Мой бедный Эусеб! Какое счастье для меня увидеть его богатым и наслаждающимся всей той роскошью, о которой мы, как все бедняки, мечтали, никогда не надеясь ее узнать!

– Прибавьте к этому, сударыня, – произнес метр Майес, – что ваше удовольствие объединяется с радостью самой принести богатство супругу, поскольку наследство пришло от вашего родственника.

– Согласна, сударь: я так люблю моего бедного Эусеба, а сам он столько раз доказывал мне свою любовь!

Бросив взгляд на часы, нотариус, казалось, тотчас же пожалел об этом отступлении – единственной фразе, заставившей его уклониться от дела.

– Я имею честь, – продолжил он, – передать вам копию описи; вы увидите, что состояние доктора Базилиуса, а теперь ваше, заключается в следующем:

1) плантация в округе Бейтензорг, оцененная в шестьсот тысяч флоринов;

2) четыреста тысяч флоринов, помещенных в банкирском доме ван ден Брока, одном из самых надежных в Батавии;

3) двести тридцать тысяч флоринов наличными, найденные в жилище покойного и находящиеся в данный момент у меня;

4) наконец, различные товары, частично перенесенные в мой дом, частично находящиеся на складах...

Госпожа ван ден Беек не дала ему договорить.

– Хорошо, сударь, не сомневаюсь, что ваша опись в полном порядке; прошу вас, перейдем к содержащей некие условия приписке, о которой вы говорили мне.

Это требование чрезвычайно смутило метра Маеса, обычно строго следовавшего наставлению Горация: «Ad eventum festinat».⁴ Он кашлянул, медленно обтер лицо платком, наморщил лоб и поднял очки с простыми стеклами: исполняя обязанности нотариуса, он надевал их в качестве не только украшения, но и необходимой для его звания принадлежности; наконец он произнес, играя золотой часовой цепочкой:

– Я имею честь сообщить госпоже ван ден Беек-Мениус, что предпочел бы подождать выздоровления господина Эусеба ван ден Беека, ее супруга, чтобы сообщить ему об этой в высшей степени странной статье завещания покойного господина доктора Базилиуса; впрочем, она касается исключительно господина ван ден Беека – если не по своим последствиям, то, во всяком случае, по способу осуществления. Поскольку этот последний является естественным и законным опекуном наследницы, мне кажется возможным, удобоисполнимым и надлежащим ввести вышеназванную особу во владение имуществом ее покойного дяди и предать забвению эту приписку, в которой нет никакой срочной необходимости, в особенности пока господин ван

⁴ «Спешите к конечной цели» (лат.). – Гораций, «Наука поэзии», 148

ден Беек болен. После своего выздоровления господин ван ден Беек сообщит ее содержание своей супруге, предварительно сам с ним ознакомившись.

– Сказать по правде, сударь, – возразила молодая женщина, – вы сильно заинтриговали меня, и все же не одно любопытство вынуждает меня настаивать. Возможно, Эусеб еще долгое время не в состоянии будет заниматься делами; кроме того, из слов, вырвавшихся у него в горячечном бреде, я заключила, что благоразумнее было не заставлять его вспоминать о некоторых случаях, связанных с моим дядей; так изложите мне, умоляю вас, эту странную приписку во всей ее странности.

– О, удивительно странную, сударыня, – повторил за ней нотариус. – До того странную, что я не знаю, как изложить вам намерение завещателя приличным образом, не теряя уважения, с каким я отношусь к вам и к самому себе. Если бы, по крайней мере, уже пробило шесть часов вечера! – прибавил он с улыбкой.

– Во всяком случае, сударь, – заметила Эстер, тоже пытаясь улыбаться, – вам недолго осталось ждать, часы уже бьют.

В это время, как только в кабинете нотариуса угас последний отзвук шестого удара, дверь распахнулась и в кабинет ураганом влетела низенькая женщина.

Это была почтенная г-жа Маес.

– О чем только вы сегодня думаете! – закричала она, не замечая, что муж не один в комнате. – Уже десять минут как на часах губернаторского дома пробило шесть, все клерки ушли из конторы, имбирное пиво стоит в холодильнике; чего вы ждете, чтобы оставить работу?

Нотариус указал жене на поднявшуюся с места г-жу ван ден Беек.

– Вильгельмина, я имею честь представить вас госпоже ван ден Беек. Госпожа ван ден Беек – госпожа Маес.

Эта последняя ответила глубоким реверансом на поклон молодой женщины.

Госпожа Маес представляла собой забавную противоположность своему мужу; как и он, она была огромной, но росла не в высоту, а в ширину и достигла в этом такого развития, что лишь через немногие двери могла протиснуться иначе, чем бочком.

Маленькие живые и блестящие глазки, нос картошкой и рот, украшенный тридцатью двумя белыми зубами, которые она показывала при каждом удобном случае, придавали ей тем более необыкновенный вид, что Небо щедро снабдило ее мужским украшением, в котором отказало мужу, и все лицо ее было покрыто белым пушком; не будь щеки и нос кирпичного оттенка, она стала бы похожей на кактус.

Живость толстухи находилась в удивительном противоречии с ее фигурой и служила предметом величайшей гордости г-жи Маес; свою живость или, вернее сказать, бойкость она приписывала своему происхождению, считая себя француженкой на том основании, что родилась в Льеже в то время, когда валлонские провинции были французским департаментом.

Национальность, которую приписывала себе Вильгельмина (как всегда называл ее муж), оправдывала эту живость, тем более замечательную, что, как мы уже говорили, дородность дамы мало этому способствовала. Эта живость плохо соответствовала невозмутимому и сдержанному поведению г-на Маеса с восьми часов утра и до шести часов вечера; но г-жа Маес, словно из признательности по отношению к приемной родине, привила к своей природной бойкости чисто голландские благочестие и суровость; эпикурейца, прожигателя жизни, каким был Маес с шести часов вечера до восьми часов утра, она понимала не лучше, чем размеренного и неподвижного, словно механического Маеса, ускользавшего от нее с восьми часов утра до шести часов вечера.

Из этого следовало, что с храмом Януса, три раза закрывавшимся во время правления Августа, не случилось бы того же, находишь он в доме на площади Вельтевреде.

И все же г-н Маес на сей раз казался как нельзя более довольным, поскольку его жена прервала сообщение, которого ждала от него г-жа ван ден Беек и которое давалось ему с таким трудом.

– Да, вы правы, Вильгельмина, – сказал он. – В самом деле, настал тот час, когда я прерываю свои труды; они так тяжки под нашим знойным небом, сударыня, – прибавил он, повернувшись к Эстер, – что я с предельной точностью не только приступаю к работе, но и прекращаю ее. Если сударыня позволит, мы в другой раз продолжим начатую сегодня беседу, и я попрошу указать час, в которой сударыне удобно будет прийти, чтобы подписать необходимые акты передачи имущества.

– Но повторяю вам, сударь, – настаивала Эстер, – что, пока мы не узнаем содержания этой злосчастной приписки, которое вам так трудно сообщить, я не могу быть уверена, что мы можем принять это наследство.

– Как? – воскликнула г-жа Маес. – Вы до сих пор не сообщили госпоже ван ден Беек о низости этого старого негодяя, ее дяди? Ах, вот в чем дело! Право же, я находила ее чересчур спокойной для женщины, знающей, что с ней произошло.

– Замечу вам, дорогая моя Вильгельмина, – возразил г-н Маес, вновь надевая очки, которые положил было на стол, – замечу вам, что у нас деловой разговор и ваше вмешательство совершенно неуместно.

– А я замечу вам, сударь: сейчас не время заниматься делами, – еще более язвительным тоном продолжала Вильгельмина, – и я хочу, чтобы эта молодая дама, которая, по моему мнению, заслуживает самого глубокого сочувствия, узнала, до чего скверными могут быть некоторые люди. Впрочем, я предупреждаю вас, что, если вы ничего не скажете госпоже ван ден Беек, это сделаю я.

– В самом деле, – смирившись, ответил метр Маес, – это кажется мне, в сущности, настолько несерьезным, что, может быть, и лучше узнать об этом в обычной светской беседе, чем при посредстве представителя закона. И все же мне хотелось бы предварить мое сообщение несколькими вопросами, нескромность которых я попрошу госпожу ван ден Беек простить мне. Впрочем, эта нескромность вполне разъяснится самим содержанием приписки.

– Начинайте, сударь, – нетерпеливо попросила Эстер.

– Прежде всего, сударыня, я спрошу вас, был ли ваш брак с господином ван ден Бееком заключен по любви?

– О да, сударь, вполне; мы оба были бедны и понятия не имели о том, что стало с нашим дядей Базилем Мениусом; мы были до того бедны, что наши обручальные кольца сделаны из серебра.

И, протянув нотариусу левую руку, она в самом деле показала ему на безымянном пальце кольцо, отлитое из серебра, всего лишь второго среди металлов.

Господин Маес окинул одним взглядом руку и кольцо и нашел, что рука настолько же красива, насколько скромным было кольцо.

– Вы видите его, – улыбаясь, добавила Эстер. – И все же я не променяла бы это кольцо, которое стоит не дороже одного флорина, даже на бриллиант Великий Могол.

– У вашего мужа такое же кольцо?

– В точности такое же.

– И он дорожит им так же, как вы – своим?

– Готова в этом поклясться.

– Это хорошо, – произнес нотариус. – А теперь скажите мне, дорогая моя госпожа, сколько времени вы замужем?

– Уже полтора года, сударь.

– И вы ручаетесь, что в течение этих полутора лет – это щекотливый вопрос, сударыня, но вскоре вы поймете его важность – ваш муж был вам верен?

– О сударь, жизнью своей поручусь! – без колебаний воскликнула Эстер.

– Счастливая женщина! – проговорила г-жа Маес. – Я могу поручиться, что уже в течение первого месяца нашей совместной жизни этот изверг, – она показала на метра Маеса, – изменил мне три или четыре раза.

– Вильгельмина, Вильгельмина, – укорил ее нотариус, – если вы станете всякий раз прерывать нас подобным образом, мы никогда не закончим.

Затем, повернувшись к Эстер, он продолжал:

– Таким образом, сударыня, успокоенная примером прошлого, вы не испытываете ни малейшей тревоги за будущее.

– Ни малейшей.

– Так вот, знайте, сударыня...

– Да, узнайте, милая малютка, что ваш дядя был самым отъявленным негодяем и развратником, которого только можно себе представить.

– Вильгельмина!

– Оставьте меня в покое, сударь, вы не лучше его, – ответила Вильгельмина. – Ах, милая крошка, – продолжала жена нотариуса, взяв руки г-жи ван ден Беек в свои и скорбно устремив свои маленькие серые глазки на розетку потолка, – если бы вы только знали, в какую ужасную страну вам довелось приехать, если бы могли представить себе степень безбожия и безнравственности ее обитателей – и в первую очередь вот этого господина!..

– Но, в конце концов, сударыня... – нетерпеливо прервала Эстер, которой хотелось узнать содержание удивительной приписки, давшей повод ко всем этим рассуждениям.

– Милое дитя, у вашего чудовищного дяди был гарем, настоящий гарем, словно у турецкого султана. Больше двадцати женщин, как говорят!

– Три, всего только три, – перебил ее метр Маес. – Правда, все три очень хороши собой.

– Слышите, слышите вы это?

– И мой дядя оставил часть своего состояния этим трем женщинам? – спросила Эстер. – Я нахожу это вполне естественным. Мой дядя ничем мне не обязан, но он сделал меня миллионершей. Признательность воспрещает мне осуждать его поведение и хоть в какой-то степени препятствовать проявленному им великодушию.

– Бедный ангелочек! – воскликнула г-жа Маес, целуя Эстер. – Какая утонченность, что за сердце! Не это ли мерзость запустения: такие чистые и добрые существа, как мы, отданы в жертву низким страстям подобных созданий? Но дело совсем не в том, дорогое мое дитя; в самом деле, это было бы всего лишь ничтожное огорчение, какое следует безропотно сносить нам, несчастным. Нет, нет! Это гораздо хуже того, что вы предположили.

– Бога ради, сударыня, объяснитесь...

– Представьте себе, – говорила Вильгельмина, которой ее муж, казалось, уступил слово, – что этот проклятый Базилиус – да он и на вид был негодяй! – своим завещанием поощряет разврат, назначает этим трем мерзавкам премию за их испорченность.

Эстер повернулась к метру Маесу, надеясь, что он несколькими словами прервет бесконечные излияния своей супруги.

– Он пообещал треть вашего состояния той, которая заставит полюбить себя, – нехотя произнес нотариус.

– Кто должен ее полюбить? – спросила Эстер.

– Ваш муж, в этом-то вся мерзость, бедная моя девочка; надо быть женщиной, чтобы выдумать такую гнусность!

– Я нахожу эту мысль всего лишь странной, – возразил метр Маес. – Таким образом, милая малютка, если эти три создания заставят вашего мужа полюбить их, одну за другой или всех трех одновременно, вы окажетесь не только обманутой, униженной и принесенной в жертву, но и лишенной всего вашего состояния.

– Это в самом деле так, сударь? – переспросила Эстер, не решаясь поверить в странное содержание приписки, которое метр Маес так долго не мог открыть ей.

– Увы, сударыня, это правда! – ответил нотариус, безнадежно разведя руками и склонив голову.

– Но вы обратитесь в суд, дорогая госпожа ван ден Беек! – Ради чести священного института брака вы должны начать тяжбу, и судьи отменят это ужасное условие!

– Та-та-та-та-та! – закричал в свою очередь метр Маес. – Судиться! Разве этот доктор не все предусмотрел? Разве в приписке не сказано, что, если возникнет спор, первое завещание следует считать недействительным и все состояние целиком переходит к правительству? Отказаться от полутора миллионов флоринов – легко сказать, госпожа Маес.

– Увы, сударь, – сказала Эстер, – меня соблазняет не огромный размер этого состояния, уверяю вас; меня заставляет решиться страх перед нищетой. Эусеб болен, серьезно болен, и признаюсь вам, без этого наследства, чудесным образом свалившегося на нас, мы оказались бы в такой нужде, что мне пришлось бы расстаться с мужем и просить общественную благотворительность позаботиться о нем, раз я не в силах это сделать сама. Меня глубоко огорчает скандал, вызванный этой злосчастной припиской, но я нимало не испугана ею: любовь Эусеба ко мне останется неизменной, я знаю его сердце и уверена, что ни для одной женщины, кроме меня, в нем не найдется места.

– Бедняжка, как она невинна! – воскликнула г-жа Маес, смахивая слезу.

Метр Маес кашлянул.

– Значит, вы принимаете наследство? – спросил он.

– Принимаю, сударь.

– И хорошо делаете, поверьте мне. На свете есть столько женщин, которых стоит любить, что этих трех можно исключить безболезненно.

– Господин Маес, – произнесла Вильгельмина. – Вы глубоко развращенный человек, но отнеситесь с уважением хотя бы к этой молодой женщине.

– Ах, сударыня, – возразил нотариус. – Ведь уже почти семь часов, значит, позволительно немного пошутить над этой забавной выдумкой доктора Базилиуса.

– Забавной, забавной! – вскричала г-жа Маес. – Чудовище, он находит эту выдумку забавной!

– Сударь, – сказала Эстер. – Мне остается задать вам последний вопрос.

– Говорите, сударыня, – ответил нотариус, снова став серьезным.

– Что стало с этими тремя женщинами?

– Мне это неизвестно, сударыня; когда я явился в дом доктора Базилиуса на следующий день после похорон, они уже исчезли.

VIII. Консилиум

Заболевание Эусеба ван ден Беека, как и все нервные недуги, было долгим и жестоким; за потрясением, с которого она началась, последовала горячка с испугавшим Эстер бредом; затем больной впал в расслабленное состояние, что было не менее опасно, чем предыдущие периоды болезни.

Если умственные способности молодого человека и не угасли полностью, то они, по крайней мере, притупились; пережитые страшные кризисы отняли у него разом и память и мысль. Он мало говорил и, казалось, чаще всего даже не замечал, что происходило вокруг него.

Из всех его дремлющих чувств временами просыпалось лишь одно, вызываемое присутствием Эстер у его изголовья: любовь, которую он испытывал к жене, усиливалась по мере того, как он терял все прочие ощущения. Эстер словно стала его ангелом-хранителем и удерживала в этом изнуренном страданиями теле готовую покинуть душу.

Эусеб проводил долгие часы, вложив свои руки в ладони жены и погрузив взгляд в ее глаза, и если словом, знаком или движением она проявляла жившую в ее сердце любовь, глаза его, обыкновенно тусклые и застывшие, загорались необычным блеском; больной не произносил ни слова, но выражение его губ напоминало Эстер нежные и пламенные клятвы первых дней их любви.

Когда же Эстер вынуждена бывала ненадолго удалиться от постели мужа, Эусеб делался беспокойным, печальным и несчастным, а если ее отсутствие затягивалось, он ценой неслыханных усилий вновь обретал дар речи и в тоске, со слезами на глазах, звал жену к себе; когда она возвращалась, он смотрел на нее с мучительной тревогой и, словно не полностью доверяя своему зрению, ощупывал руками ее лицо, немного успокаиваясь лишь тогда, когда несколько нежных слов, ласка или поцелуй убеждали несчастного молодого человека в том, что она действительно рядом с ним.

О прошлом, о страшной ночи, в которую он отправился за доктором Базилиусом, о смерти последнего, о богатом наследстве, доставшемся бедному семейству, не заходило речи: Эусеб словно обо всем забыл. Казалось, он даже не замечал изменений, пришедших в дом вместе с этим наследством: распоряжался многочисленными слугами, окружавшими его с начала болезни, словно никогда не обходился без них, и нимало не удивлялся тому, что грязные почерневшие стены его хижины на улице Крокот сменились позолоченными панелями и богатой обивкой особняка на Королевской площади, в котором г-жа ван ден Беек обосновалась после своей встречи с нотариусом Маесом.

Незачем говорить, что Эстер расточала не меньше забот о муже, чем сам он о ней в те дни, когда так боялся ее потерять. К больному были приглашены лучшие врачи Батавии. Не в силах дольше ждать хоть какого-то улучшения в состоянии мужа, Эстер созвала консилиум и попросила высказаться о той вялости, которая грозила довершить то, что было начато горячкой, или, по меньшей мере, превратить Эусеба в слабоумного, что было бы хуже смерти.

Перебравшись из Европы в Индию, последователи Эскулапа не утратили ни одной из традиций своего ремесла, и доктора Батавии были в столь же полном несогласии друг с другом, в каком могли бы быть их коллеги в Париже, Лондоне или Амстердаме.

Для начала они разделились на два лагеря.

Двое заявили, что сделать ничего нельзя и Эусеб безнадежен; двое других поманили Эстер самыми радужными и скорыми надеждами; пятый промолчал.

Его голос мог бы склонить чашу весов на сторону либо смерти, либо жизни.

Но, как настойчиво его ни спрашивали, он ограничился тем, что предположил выздоровление больного в случае, если состояние его не ухудшится; если же это произойдет, он ни за что не ручался.

Что касается выбора лечения, здесь мнения снова разделились.

Один предлагал использовать в больших дозах хину; второй уверял, что победит болезнь с помощью опиума; третий рекомендовал кровопускания и пиявок; четвертый – полное воздержание от пищи и обильное слабительное.

Пятый врач (тот самый, кому принадлежало мудрое высказывание о том, что следует опасаться худшего в случае, если больному станет хуже, но, если он почувствует себя лучше, можно надеяться на лучшее) предположил наличие пяти хороших шансов против пяти дурных при использовании *carduus benedictus*⁵ в сочетании с серными ваннами Пангезанго.

К концу этого совещания бедная Эстер сделалась почти такой же слабоумной, как ее муж.

После ухода врачей она осталась одна и почувствовала себя покинутой.

В том состоянии духа, в какое привела ее болезнь Эусеба, она совершенно не стремилась к новым знакомствам; впрочем, плохая репутация доктора Базилиуса и скандал, вызванный его странным завещанием, сказались на его наследниках, и новые соседи на Вельтевреде относились к Эусебу и Эстер не лучше, чем бедные жители китайского квартала, среди которых они жили, пока были нищими.

Нотариус Маес был единственным из сколько-нибудь важных персон города, с которым г-жа ван ден Беек поддерживала отношения. Насколько это было возможно для него, он относился к ней с добротой и сердечностью, и, прежде чем суд ввел ее как доверенное лицо мужа во владение богатствами доктора, любезно предложил ссудить юным супругам любую сумму, какая могла неотложно потребоваться в их бедственном положении.

Естественно, что именно у нотариуса Маеса Эстер решила просить совета.

Когда она пришла в его контору, был час пополудни, так что молодая женщина нашла его закованным в галстук, очень важным, чопорным, степенным и серьезным, как в первые пятнадцать минут их прошлой встречи.

Она объяснила ему причину своего посещения.

Нотариус выслушал ее, не дрогнув.

– Не вижу причин для вашего беспокойства, сударыня, – сказал он ей таким же уверенным тоном, каким говорили врачи, убежденные в непогрешимости своих диагнозов. – Состояние господина ван ден Беека тяжелое, но, к счастью, промысел Божий – и благочестивый нотариус поднял глаза к небу – поместил лекарство рядом с болезнью.

– Лекарство! О, если вы знаете, как помочь моему несчастному Эусебу, скажите мне, господин Маес, умоляю вас, и даже если для этого потребуется пожертвовать всем наследством моего дяди, я воспользуюсь этим средством.

– Вам не надо приносить жертв, сударыня, более того, – это средство не только ничего вам не будет стоить, но удвоит ваше имущество или ваш капитал; оно вовсе не послужит источником вашего разорения, но приведет к богатству и процветанию; оно сделает вас самыми богатыми колонистами в Батавии.

– Но, в конце концов, что это за средство?

– Труд! – важно ответил метр Маес.

– Труд? – удивленно переспросила Эстер.

– Да, сударыня; мозг господина ван ден Беека страдает от того, что ничем не занят, как желудок страдает от того, что не получает подходящей пищи. Приговорить его к полному умственному воздержанию – значит обречь на смерть так же верно, как заставить полностью воздерживаться от пищи. Верните ему заботы, тревоги, волнения, являющиеся подлинным двигателем жизни, и вы увидите, как к нему вернется вся его молодость и сила. Дайте ему действовать, и он будет жить.

⁵ Чертополох благодатный (лат.)

– Что вы такое говорите, сударь! Мой муж едва может связать две мысли и не скажет подряд четырех слов.

– Пусть! Все это придет вместе с заботой о собственных интересах, милая дама. Работа как игра: стоит кубику упасть на одну из граней, как того, кто его бросил, охватывает лихорадка; демон наживы трясет его, как сам он трясет стаканчик, заключающий в себе его богатство или разорение. Труд, госпожа ван ден Беек, – вот универсальное средство от всех бед, единственно надежное и подлинное, именно он вернет здоровье вашему мужу. Вот, к примеру, возьмите меня, – продолжал нотариус. – Я пустил бы себе пулю в лоб, если бы не работал; лишь мой труд дает мне забыть о тяготах жизни, лишь он утешает в сердечных огорчениях.

– Сердечные огорчения, сударь! – прервала его Эстер. – Но мне казалось, госпожа Маес говорила, будто этот род горестей совершенно вам незнаком.

Нотариус не смог удержаться и покраснел, но все-таки не смутился.

– Да, – не откликнувшись на это замечание, снова заговорил метр Маес. – Да, труд побеждает самые жгучие огорчения, как и самую острую физическую боль; и я сам, сгибаясь под тяжестью ноши, обремененный своим долгом, выполнение которого так мучительно под этим знойным небом, – с этими словами он показал на окна, защищенные толстыми циновками от палящих лучей солнца, – я лишь работой и ради нее живу. Я чувствую, что, не будь ее, я умер бы, задохнулся бы от недостатка средств, способных поддерживать лихорадочную деятельность моего ума. Поверьте мне, испытайте это средство для господина ван ден Беека, победите вялость его мозга с помощью заботы о его интересах; пусть он, едва придет в себя, займется делами, все равно какими, пусть купит плантацию, откроет в Батавии торговый дом; пусть собирает кофе, выращивает рис, очищает сахар, перегоняет арак; пусть начнет продавать индиго, чай, пряности – что угодно, только бы продавал; подобно мне, он должен быть занят день и ночь своими делами, и вскоре вы увидите его толстым и здоровым, как я.

Госпожа ван ден Беек в недоумении взглянула на огромного нотариуса и спросила себя, вообразив подобное превращение своего мужа, не окажется ли в этом случае выздоровление хуже самой болезни.

– Но, сударь, – осмелилась она начать, – мне казалось, что по вечерам вы присоединяете к работе некоторые развлечения?

– Ошибка, сударыня, глубокое заблуждение! – возразил г-н Маес. – Я вижу, что вы судите обо мне так же, как чернь. Из-за того, что метр Маес, в силу своего положения принимая у себя важных особ, вынужден держать роскошный и изысканный стол, говорят: «Метр Маес – гурман». Заблуждение. Простой народ не знает, – продолжал нотариус, приняв томный вид, – он даже не знает, до какой степени я должен противоречить собственным вкусам. Они говорят: «О, нотариус Маес катается в карете, запряженной четверкой лошадей, словно набоб, стоит только наступить ночи!» Нет, нотариус Маес не катается, он просто отправился осмотреть плантацию, которую владелец собирается заложить. Говорят: «Нотариус Маес бывает в Кампонге, его чаще видят за кулисами китайского театра, чем в храме». Увы! Сударыня, им неизвестно, что я лишь исполняю тяжкую повинность.

– Повинность, сударь?

– Вне всякого сомнения, сударыня; именно там я наверняка могу встретить плутов, с которыми вынужден иметь дело. Вы, разумеется, не знаете, что наши торговцы заключают с подданными Небесной империи очень важные сделки. Так вот, именно преданность делу, заботы об интересах моих клиентов заставляют меня ночи напролет проводить за столом в компании этих мошенников с раскосыми глазами, пить с ними цион и арак, пока они не свалятся под стол: только тогда, когда в утробе у них плещется рисовая или тростниковая водка, можно раскрыть козни этих пройдох; но все это, сударыня, лишь тяжкие подневольные обязанности моего ремесла; они кажутся мне горькими, клянусь вам, среди полной радостей жизни, какую создает мне любимая работа.

И г-н Маес, обеими руками схватив перо, воздел его к небесам.

– Вы начинаете убеждать меня, сударь, – с едва приметной улыбкой сказала Эстер.

– Стараюсь, сударыня, стараюсь, – проникновенно ответил нотариус.

– Но как же, – продолжала молодая женщина, – можно добиться подобного результата от бедного больного, господин Маес?

– Э, существует тысяча способов, сударыня.

– Назовите мне один из них.

– Покажите ему результат труда! Золото.

– Золото?

– Да; он не часто видел его в своей жизни, бедный господин ван ден Беек; так вот, дайте ему потрогать золото, скажите ему: «Эусеб, это действительно наше, но у нас хотят его отнять, наша собственность под угрозой». С первых же слов, если он принадлежит к роду человеческого, взгляд его загорится, мозг просветлеет, и с этой минуты к нему вернется рассудок и сила.

– Но если я скажу ему, что наше богатство под угрозой, мне придется объяснить, какая статья завещания тому виной.

– Рано или поздно он должен будет это узнать.

– О нет, сударь, никогда!

– В таком случае изобретите что-либо другое, что разбудит его, если не хотите, чтобы он от своего оцепенения перешел к смерти.

Несчастливая Эстер была так удручена, находилась в такой нерешительности, а главное – до того устала от своих колебаний, что вернулась домой с твердым намерением исполнить предписание нотариуса Маеса и попытаться пробудить этот ослабевший рассудок, расшевелить этот отяжелевший дух.

Однажды, когда Эусеб большую часть дня провел с ней (она сидела на его постели, держа руки больного в своих, а голову – у себя на груди), Эстер показалось, будто выражение его лица спокойнее обычного, а во взгляде – больше осмысленности, и она решилась заговорить.

– Друг мой, – обратилась она к Эусебу. – Знаешь ли ты, что мы богаты?

Эусеб с полным безразличием отнесся к ее словам и принялся играть ее прекрасными шелковистыми локонами.

– Нам больше незачем бояться нищеты, заставившей нас так страдать, – продолжала Эстер. – Смотри, – прибавила она, бросив на одеяло горсть золота, – у нас в тысячи раз больше денег, чем сейчас перед твоими глазами.

Эусеб искоса глянул на золото и, словно тяжесть монет его давила, машинально столкнул их коленом с постели на ковер.

Затем, когда над ним склонилось прелестное лицо Эстер, губы Эусеба нежно коснулись лба жены.

– Разве ты не счастлив оттого, что богат? – продолжала она. – Разве ты не гордишься, видя богатые украшения на своей жене?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.